

И. А. Женин
С. Г. Мереминский

**СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

УДК
Рег. № НИОКТР
Рег. № ИКРБС

УТВЕРЖДАЮ
Ректор РАНХиГС
д-р экон. наук, проф.

_____ В.А. Май
« ____ » _____ 2021г.

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И
ЗАБВЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ
(заключительный)

Научно-исследовательская работа выполнена в соответствии с государственным заданием
РАНХиГС на 2021 год по научному направлению «история»

Руководитель НИР,
Старший научный сотрудник
лаборатории комплексных
исторических исследований,
ИОН, канд. исторических наук

И.А. Женин

Москва 2021

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательская
лаборатория комплексных
исторических исследований ИОН,
канд. исторических наук

Нормоконтроль

С.Г. Мереминский
(раздел 1)

подпись, дата

И.О. Фамилия

подпись, дата

АННОТАЦИЯ

В настоящее время в исторической науке наблюдается новая историографическая волна, связанная с изучением коммеморативных практик (юбилеи значимых событий прошлого, переоценка деятельности и заслуг исторических, политических и культурных «героев»), что находит отражение в публичном пространстве и во многом формирует актуальную социально-политическую повестку. Систематизация и анализ существующих теоретических и методологических подходов к осмыслению коммеморативных практик, направленных на сохранение и/или изъятие памяти о прошлом в публичном пространстве, является одной из значимых проблем общественных наук в целом и исторической науки в частности. Историческая память является важнейшим элементом конструирования национальной идентичности. В ее основе часто лежит один или несколько исторических мифов, которые определяют восприятие обществом не только прошлого, но и во многом конструируют отношение к настоящим (актуальным) событиям. Понимание механизмов того, как воспоминание о прошлом определяет групповое поведение и индивидуальные стратегии взаимодействия с окружающим миром важно с точки зрения изучения процессов трансформации национальной идентичности и устойчивости социума в целом.

Это определило объект настоящего исследования, которым выступили практики конструирования исторической памяти в пространстве публичной истории.

Целью исследования является систематизация и анализ существующих теоретических и методологических подходов к осмыслению коммеморативных практик, направленных на сохранение в публичном пространстве памяти о прошлом и/или процесса забывания прошлого.

Анализ теоретических моделей, а также механизмов становления, развития, закрепления исторической памяти о событиях, деятелях, «героях» в рамках данной работы позволит соотнести дискурс официальной истории с вернакулярными практиками воспоминаний и/или забвения о прошлом. Кроме того, рассмотрение данной проблематики на историческом материале европейских стран (Великобритания и Германия) позволит увидеть модели складывания и преодоления собственной модели прошлого, существующие в публичном пространстве.

ABSTRACT

At present, historical science is experiencing a new historiographical wave associated with the study of commemorative practices (anniversaries of significant events of the past, reevaluation of the activities and merits of historical, political and cultural “heroes”), which is reflected in the public space and largely shapes the current sociopolitical agenda. The systematization and analysis of existing theoretical and methodological approaches to comprehending the commemorative practices aimed at preserving and/or removing the memory of the past in the public space is one of the significant problems of social sciences in general and historical science in particular. Historical memory is an essential building block in the development of national identity. It is often based on one or more historical myths, which determine not only the society’s perception of the past, but also largely construct the attitude to the present (current) events. Understanding the mechanisms of how remembering the past determines group behavior and individual strategies of interaction with the surrounding world is important from the perspective of studying the transformation of national identity and the sustainability of the society as a whole.

This determined the object of this study, namely the practice of constructing historical memory in the space of public history.

The aim of the study is to systematize and analyze the existing theoretical and methodological approaches to comprehending the commemorative practices aimed at preserving the memory of the past and/or the process of forgetting the past in the public space.

The analysis of theoretical models, as well as the mechanisms of formation, development, and consolidation of historical memory of events, figures, and “heroes” within this work will allow us to correlate the discourse of official history with the vernacular practices of remembering and/or forgetting about the past. In addition, a consideration of this issue based on the historical material of European countries (Great Britain and Germany) will allow us to see the models of developing and overcoming their own model of the past, which exist in the public space.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ (XIX – XX вв): ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО ДЕКОНСТРУКЦИИ МИФА ОБ «АНГЛОСАКСОНСКОМ» ПРОШЛОМ

Хорошо известно, что важное место в современном общественно-политическом дискурсе занимают понятия, уходящие корнями в историю средневековой Европы. К их числу относятся термины «англосаксы» и «англосаксонский». В этом разделе мы проследим их возникновение и развитие в исторической науке и в пространстве публичной истории, а также обобщим и систематизируем актуальные теоретические установки и методологические подходы к ним в современной науке.

В недавнем исследовании американский филолог Д. Уилтон[1] на англоязычном материале выделил три больших поля значений понятия «Anglo-Saxon»:

- историческое (используется по отношению к Англии до Нормандского завоевания 1066 г. и ее жителям, а также их прямым потомкам на протяжении нескольких поколений после завоевания);
- этническое (как маркер принадлежности к определенной расовой или национальной общности);
- политико-культурное (как указание на общность политических и правовых систем, экономики и культуры Великобритании, некоторых ее бывших колоний и доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии, а также США).

В русском языке, как показал анализ баз данных РИНЦ и Национального корпуса русского языка, достаточно распространены первое и третье семантические поля, второе встречается достаточно редко, в основном в переводе распространенного американского понятия «белые англосаксонские протестанты» (white Anglo-Saxon Protestant, WASP).

Как наименование представителей германоязычных народностей, расселившихся в Британии в V–VII вв., этноним «англосаксы» возник уже в Раннее Средневековье. Он был образован от самоназваний двух из этих этнических групп – англов (лат. Angli, др.-англ. Ængle; встречается уже в конце I в. у Тацита) и саксов (лат. Saxones, др.-англ. Seaxan; впервые встречается во II в. у Клавдия Птолемея, по другой версии – в середине IV в. в речи императора Юлиана Отступника). Важно, однако, отметить, что наиболее ранних источниках, упоминающих вторжения в Британию германоязычных народов с континента, это наименование не используется. Наиболее часто в текстах V–VI вв. (у Гильды Премудрого, «Равеннском космографе» и так называемых галльских хрониках 452 и 511 гг.) говорится только о саксах. Византийский автор начала VI в. Зосим упоминает неких безымянных варваров [2]. В середине того же столетия Прокопий Кесарийский пишет, что

на некоем «острове Бриттия» живут 3 народа: ангилы (Ἀγγίλοι), фриссоны (Φρίσσονες) и бриттоны (Βρίττωνες) [2]. В текстах, созданных в самой Британии, первоначально встречалось только наименование «саксы», этноним «англы» появляется не ранее VIII в., скорее всего, под влиянием словоупотребления Римской курии, восходящего к папе Григорию I Великому [3]. Решающую роль в его распространении сыграл историк и богослов 1-й половины VIII в. Беда Достопочтенный. В своем труде, озаглавленном «Церковная история народа англвов», он привел такую картину этнического состава завоевателей: «Они вышли из трёх сильнейших германских племен – саксов, англвов и ютов. Жители Кента и Векты происходят от ютов, как и обитатели земель напротив острова Векты в провинции западных саксов, до сих пор называемые народом ютов. От саксов из области, известной ныне как Старая Саксония, происходят восточные саксы, южные саксы и западные саксы. Кроме этого, из страны англвов, находящейся между провинциями ютов и саксов и называемой Ангулус, которая с той поры опустела, вышли восточные англвы, средние англвы, мерсийцы и весь народ Нортумбрии, то есть те, кто живет к северу от реки Хумбер, а также и другие племена англвов» [5].

С конца VII в. священнослужители из числа англвов и саксов начали отправляться в качестве миссионеров на континент, проповедуя христианство, в частности, среди германских саксов, которых они называли «старыми саксами», чтобы отличить от жителей Британии [4]. В свою очередь, в каролингскую эпоху (в конце VIII – IX вв.) некоторые авторы, жившие на континенте, стали использовать уточнения для британских саксов, чтобы отличить их от саксов, живших в континентальной Германии. Впервые подобный пример мы встречаем в сохранившихся среди писем Алкуина (уроженца Нортумбрии, ставшего приближенным императора Карла Великого) постановлениях церковного собора 786 г. Место его проведения охарактеризовано, как «Саксония англвов» (лат. Anglorum Saxonia) [6]. По-видимому, эта форма появилась в результате компромисса между практикой Римской курии, где германоязычные жители Британии всегда назывались «англами», и распространенным обозначением подчиненных этим германоязычным народностям частей острова, как «Саксонии». Несколько позже в источниках, происходящих из державы Каролингов, появляется составной этноним «англосаксы» (Angli Saxones, реже – Saxones Angli). Он встречается в «Деяниях лангобардов» Павла Диякона (790-е гг.); «Житии святого Бертуина», основателя монастыря Малон (конец VIII или IX в.), «Сен-Бертенских анналах» (1-я половина IX в.). В двух случаях использованы формы, возможно, более близкие к реальному произношению: Engelsaxo (в анонимном «Житии Алкуина», IX в.) и Angulsaxes (у Рабана Мавра, IX в.) [9]. Этноним Anglisaxones использовал также ряд немецких хронистов X–XI вв. (Видукинд Корвейский, Герман из

Райхенау, Лампрехт Херсфельдский, Фрутольф Михельсбергский), возможно, как подражание каролингским образцам. Напротив, в Британии этноним «англосаксы» в то время получил крайне ограниченное распространение. Сравнительно часто он встречается лишь в документах рубежа IX–X вв. как титул короля Альфреда и его ближайших потомков (сына Эдуарда и внука Этельстана). По-видимому, его использование было призвано отразить династическую унию между «саксонским» Уэссексом и «англиской» Мерсией. Но уже с 3-й четверти X в. он исчез из королевской титулатуры. В нарративных текстах отдельные упоминания об «англосаксах» встречаются и позднее, например, в «Житии св. Свитгуна», написанном уинчестерским монахом Лантфредом ок. 1000 г. [1]. Примечательно, что Лантфред был уроженцем Франции, а следовательно, мог в данном случае ориентироваться на континентальную традицию, восходящую к каролингскому времени. Что касается текстов на древнеанглийском языке, то во всем их корпусе, как отмечает Д. В. Сухино-Хоменко, встречается лишь 4 случая употребления этого этнонима: в грамотах королей Этельстана (934 г., вероятно, вольный перевод с латинского оригинала) и Эадреда (955 г., вероятно, перевод несохранившегося оригинала на латыни), в анонимном прологе к трактату «О девстве» епископа Альдхельма, сохранившемся в рукописи X или XI в. (в выражении «в англосаксонской земле» – *on æðele Angolsexna*), а также в переводе буллы папы Сергия I в пользу основанного тем же Альдхельмом монастыря Мальмсбери (в выражении «англосаксонское графство» – *Angelsexena scire*; текст сохранился в рукописи середины XI в.) [13]. В средневековых источниках, созданных после Нормандского завоевания 1066 г., упоминаний об «англосаксах» мы не находим, если не считать прямого цитирования более ранних памятников, например, того же Павла Диакона.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения современных представлений о раннесредневековом этногенезе, сформулированных В. Полем и другими представителями «венской школы» исторической этнографии [7], за встречающимися в источниках наименований «народов» (*gentes*), не стояли монолитные с точки зрения генетического состава общности. Та или иная идентичность представляла собой сложный конструкт, сочетающий разнообразные факторы (включая язык, особые элементы одежды и украшений, способы погребения, повседневные практики, нередко – религиозные верования). Традиция, конституирующая какой-либо «народ», формулировалась в текстах, сочетающих миф и историческую память [8]. Однако начиная с XVI–XVII вв., когда английские историки-антиквари начали систематическое изучение прошлого своей страны, использованные Бедой и другими раннесредневековыми авторами этнонимы трактовались именно как обозначения общностей, аналогичных европейским народам Нового времени. На латинском языке об «англосаксах» впервые написал в 1586 г.

известный историк У. Кэмден, уже в 1589 г. литератор Дж. Патенхем использовал это понятие (в вариантах *Anglo-Saxon* и *English Saxon*) в написанной по-английски книге «Искусство английской поэзии». На протяжении XVII в. произошло институциональное оформление исследований древнеанглийского языка и литературы, а также истории раннесредневековой Англии, которые стали обозначаться, как англосаксонистика (*Anglo-Saxon studies*). Ее ведущими центрами стали Оксфордский и Кембриджский университеты. Работавший в Кембридже антикварий Уильям Сомнер (1598–1669) в 1659 г. опубликовал трёхязычный «*Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum*». В Оксфорде большую роль в организации изучения древнеанглийского языка сыграл немецкий филолог Франциск Юний-младший (1591–1677), завещавший Бодлианской библиотеке свое собрание рукописей, включавшее в т. ч. уникальный манускрипт с древнеанглийскими религиозными поэмами (т. н. Кодекс Кэдмона). На рубеже XVII–XVIII вв. ведущей фигурой среди оксфордских англосаксонистов был Джордж Хикс (1642–1715). Его первым важным филологическим трудом стали «*Institutiones grammaticae Anglo-Saxonicae et Moeso-Gothicae*» (1689), посвященные генетической связи между различными германскими языками. Хикс рассматривал готский язык (известный по переводу Библии, сделанному епископом Ульфилой) как общий предок древнеанглийского (*lingua Anglosaxonica*), древнефранкского (*lingua Francica*) и древнескандинавского (*lingua Cimbrica*) языков. В свою очередь к «англосаксонскому» языку Хикс возводил происхождение современных ему английского, англо-шотландского (*Scots*) и фризского языков, к древнефранкскому – нидерландского и немецкого языков. Под влиянием Юния и Хикса обозначение древнеанглийского языка как «англосаксонского» стало обычным среди английских ученых.

Наиболее выдающимся вкладом в Хикса в науку стал опубликованный в 1703–1705 гг. 3-томный «*Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archaeologus*». Этот во всех отношениях монументальный труд включал не только грамматики нескольких германских языков (древнеанглийского, готского, франкского, исландского), но также материалы по истории англосаксонских монет, рунической письменности и др. Особое значение имел 3-й том с наиболее подробным по тот момент описанием рукописей с текстами на древнеанглийском языке. Издание было богато иллюстрировано гравюрами (факсимиле рукописей, изображения монет, ювелирных изделий, эпиграфических надписей и т. д.). В этой работе Хиксу помогал ряд более молодых коллег, прежде всего Эдвард Туэйтс (1661–1711), Эндрю Фонтейн (1676–1753) и Хамфри Уэйтли (1672–1726), который внес основной вклад в подготовку 3-го тома. К кругу учеников Хикса принадлежала и первая женщина-англосаксонист Элизабет Эльстоб (1683–1756). Она поехала в Оксфорд вместо со старшим братом Уильямом (1673–1715) и стала

настоящим знатоком древнеанглийского языка и палеографии, хотя в условиях того времени не могла занимать никаких официальных постов в научных структурах. Примечательно, что Хикс мог продолжать научную деятельность несмотря на то, что подвергался преследованиям со стороны властей и вынужден был жить на полулегальном положении, поскольку после «Славной революции» 1689 г. сохранил верность Стюартам и отказался присягнуть королю Вильгельму III.

Работы Сомнера, Хикса и их коллег заложили фундамент научной англосаксонистики, но вместе с тем оказали влияние и на более широкие круги британского общества. Изучение германских корней английского народа приобрело политическое значение после принятия английским парламентом закона о престолонаследии 1701 г., согласно которому наследниками королевы Анны Стюарт объявлялись курфюрстина София Ганноверская и ее сын Георг, будущий король Великобритании Георг I (1714–1727). Даже предисловие ко 2-му тому «Тезауруса» Хикса включало посвящение ганноверскому курфюрсту Георгу, названному «наследником Дании, Норвегии, вандалов и готов» (*Hereditarius Danicæ, Norvegiæ, Vandalorum, et Gothorum*) [34]. В этот том своего труда Хикс включил пространный трактат «Рассуждение в форме письма об употреблении древних северных языков» (*De linguarum veterum septentrionalium usu dissertatio epistolaris*). Под этим, не самым ярким, названием скрывалось первое систематическое изложение общественного и политического строя раннесредневековой Англии, а также анализ ее права и судопроизводства. Через анализ общих истоков германских языков Хикс декларировал родство современных ему народов, говорящих на этих языках, а также сходство их законов и политических институтов. Курфюрст Георг, таким образом, изображался наследником не только английского престола, но и всего наследия древних германцев.

Еще более яркое воплощение такой «политический англосаксонизм» нашел в трактате юриста и политика, члена партии вигов Дж. Фортескью Аланда (1670–1746) «Различие между абсолютной и ограниченной монархией» (*The Difference between an Absolute and Limited Monarchy*, 1714; написан незадолго до смерти королевы Анны, в ожидании восшествия на престол Георга). В предисловии Фортескью утверждал, что древнеанглийское право («законы Эдуарда Исповедника») служат основанием политической и юридической системы современной ему Англии, включая право частной собственности, ограниченную монархию и гарантии свобод личности. Нормандское завоевание не принесло разрыва этой традиции, поскольку изменилась лишь внешняя форма законов (язык, на котором они написаны), но не их дух. Соответственно, утверждал Фортескью, для лучшего понимания «общего права» необходимо изучать древнеанглийский язык и правовые тексты донормандского времени. Уже после

восшествия на престол Георга I ему был адресован целый ряд сочинений на англосаксонские темы. В 1721 г. Дэвид Уилкинс (1685–1745; он был уроженцем Восточной Пруссии и, переехав в Оксфорд, изменил на английский манер свою фамилию Вильке) посвятил правящему монарху издание корпуса древнеанглийских законов с параллельным переводом на латынь (*Leges Anglo-Saxonicae Ecclesiasticae et Civiles*), представленных как фундамент действующего английского права. Общее «саксонское» происхождение англичан и немецких подданных Георга I подчеркивается и в предисловии, написанном Эдмундом Гибсоном, епископом Лондонским, в увидевшем свет в 1722 г. переиздании «Британии» У. Кэмдена.

Произошедшие на рубеже XVII–XVIII вв. изменения в английской политической мифологии хорошо видны на примере творчества врача, богослова и посредственного поэта Ричарда Блэкмора (1654–1729). В 1695 г. он опубликовал поэму «Принц Артур», написанную в подражание «Энеиде» Вергилия. В ней под маской рассказа о победе бриттского принца Артура над нечестивыми язычниками саксами современники явственно угадывали изложение событий «Славной революции» 1688 г. В образе прибывшего из-за моря спасителя Артура был выведен сам король Вильгельм III Оранский. В 1723 г. Блэкмор издал еще одну эпическую поэму, на сей раз посвященную принцу Фредерику (1707–1751), внуку короля Георга I и предполагаемому наследнику престола. Поэма называлась «Альфред» и рассказывала о деяниях знаменитого короля Уэссекса, причем Блэкмор в значительной мере использовал сюжет собственного более раннего сочинения. Теперь Блэкмор выставлял саксонское происхождение своего героя исключительно в позитивном свете, противопоставляя ему язычников-датчан.

Антиквари XVIII в. рассматривали саксов как собственных предков в гораздо большей степени, чем бриттов, датчан, нормандцев или римлян. При этом, как показал Д. Фрэзер Вуд, их работы вызвали интерес не только внутри собственного относительно узкого круга. На это указывает, в частности, количество материалов на «антикварные» темы в неспециализированной периодической печати. Например, книга У. Кларка «Связь римских, саксонских и английских монет» (1767 г.) получила хвалебные рецензии в журналах *Monthly Review*, *Gentleman's Magazine* и *London Magazine*, читатели продолжали слать в редакцию одобрительные письма на протяжении 2 лет [14].

«Вигская» интерпретация британской истории впервые была четко сформулирована и предложена широкой аудитории в «Истории Англии» француза П. де Рапена (1723–1725 гг.), тоже посвященной королю Георгу I. Почти сразу был напечатан и ее английский перевод Н. Тиндала (1726–1731 гг.). К 1755 г. общий тираж ее разных изданий достигал очень значительной для того времени величины – 18000 экземпляров. Широкое

распространение получила также «Новая история Англии» Дж. Локмана (1729 г.) – сокращенная версия труда де Рапена, адаптированная «для развлечения молодежи обоих полов» [35]. Центральное место в его труде занимало противостояние между «прерогативами» королевской власти и «привилегиями» народа. Идеальная политическая система, по мысли автора, достигалась за счет баланса этих сил в форме ограниченной монархии. Она сложилась после объединения англосаксонских королевств Гептархии при Эгберте, а затем при Альфреде, опиравшихся в своем правлении на уитанагемот – своего рода прото-парламент. Вся дальнейшая английская история, в результате, представляла собой борьбу за возвращение к этому идеалу, что и удалось наконец сделать после «Славной революции» 1688 г.

Сами представители Ганноверской династии охотно культивировали свой образ как преемников англосаксонских монархов. Так, королева Каролина, жена Георга II, заказала скульптору М. Рисбраку (1694–1770) серию портретных бюстов английских королей и королев, вероятно, предназначавшуюся для библиотеки Сент-Джеймского дворца. Принц Фредерик заказал тому же Рисбраку бюсты короля Альфреда и Эдуарда «Черного принца» для павильона в парке своего дворца Карлтон-хаус. Еще более впечатляющим воплощением образа короля Альфреда стала музыкальная пьеса (в популярном в XVIII в. жанре «маски»), написанная по заказу принца Фредерика (текст Дж. Томпсона и Д. Маллета, музыка Т. Арна). Сюжет был основан на основных фактах биографии короля Уэссекса, хорошо известных публике: поражения от викингов, вынужденная жизнь в изгнании в лесах, возобновление войны против захватчиков и триумфальная победа. Впервые пьеса была поставлена 1 августа 1740 г., в годовщину восшествия на престол Георга I. Кульминацией представления стала исполняемая самим королем и его сподвижниками «Большая ода в честь Великобритании», впоследствии ставшая популярной патриотической песней (известна по первым словам «Правь, Британия, морями!»).

В историографии получило распространение мнение, что после выдающихся достижений ученых поколения Хикса, Уэйнли и Эльстобов англосаксонистика в XVIII в. вступила в период относительного застоя [16]. Однако работы последних лет, в частности книга Д. Фразье Вуда [14], показали ошибочность такой точки зрения. Работы середины и 2-й половины XVIII столетия расширили и углубили представление об истории раннесредневековой Англии. Примечательно, что именно в этот период в английском языке появилось само слово «англо-саксонист» (Anglo-Saxonist): его впервые употребил в 1773 г. Д. Баррингтон в издании древнеанглийского перевода сочинения историка Орозия [34]. Всего год спустя увидел свет 1-й том одной из самых необычных книг на средневековую

тематику – «Horda Angel-cynnan, или Полное обозрение манер, обычаев, оружия, привычек и проч. обитателей Англии от прихода саксов до правления Генриха VIII» антиквария и гравера Дж. Стратта (1749–1802). Основное ее содержание составляют 67 таблиц с гравюрами, основанными на аутентичных средневековых рукописях и монетах. Материал охватывает широкий круг сюжетов от военного дела до кухонной утвари и столовых приборов.

Акцент на истории культуры и повседневной жизни характерен и для изданной в 1771 г. 6-томной «Истории Великобритании по новому плану» шотландского историка и священнослужителя Роберта Генри (1718–1790). В предисловии он обещал «дать читателю краткое изложение наиболее важных событий... вместе с упорядоченным обзором религии, законов, учености, искусств, коммерции и манер ее обитателей в каждую эпоху» [14]. О популярности такого «культурологического» подхода свидетельствует и включение Д. Юмом, автором наиболее популярного сочинения XVIII в. по британской истории [17], в 1-й том последнего издания своей «Истории Англии» (1778 г.) приложения под заглавием «Англосаксонское правление и манеры» (The Anglo-Saxon Government and Manners). Однако наибольшее значение для формирования образа англосаксонского прошлого в британском обществе XIX в. имели труды Шарона Тернера. Поскольку фигура этого крупного историка почти не освещена в отечественной науке, на ней следует остановиться подробнее.

Будущий ученый родился в 1768 г. в небогатой семье, переехавшей в Лондон из йоркширской глубинки. Получив образование в частной гимназии, он начал готовиться к карьере юриста в лондонской юридической корпорации Тампль и в 21 год начал собственную практику. Среди клиентов Тернера было немало людей, имеющих отношение к издательской и литературной деятельности (например, поэт «озерной школы» Роберт Саути), которая привлекала и юного адвоката. Он снял офис неподалеку от здания Британского музея (открытого для публики с 1759 г.), стал завсегдатаем кружков любителей старинной литературы и истории. Особенно привлекала Тернера раннесредневековая скандинавская поэзия, вошедшая в тот период в моду, в т. ч. под влиянием знаменитых «Баллад Оссиана» Дж. Макферсона (опубликованы в 1760-е гг.). Тернер был уверен, что современные ему историки, например уже упоминавшийся Д. Юм, уделяют недостаточно внимания подобным источникам. Он решил восполнить пробел и в 1799 г. издал 1-й том собственной «Истории англосаксов» (History of the Anglo-Saxons). За этот труд уже через год, в возрасте 31 года, он был избран членом авторитетного Лондонского общества антиквариев. В рекомендации Тернер был назван «джентльменом, чрезвычайно сведущим в истории древностей этой страны» [36]. Изучение рукописей в

библиотеке Британского музея (где хранилось, в частности, знаменитое собрание манускриптов сэра Роберта Коттона) и написание все новых томов «Истории англосаксов» Тернер успешно сочетал с юридической практикой. Он приобрел репутацию знатока норм авторского права, которое бурно развивалось на рубеже веков. В числе друзей Тернера были Дж. Мюррей (1778–1843), издатель Байрона, а также писатель еврейского происхождения Айзек Дизраэли (1766–1848). В 1817 г. Тернер стал крестным отцом его сына Бенджамина, будущего премьер-министра Великобритании. В 1729 г., в возрасте 60 лет, он оставил юриспруденцию и оставшиеся годы (до смерти в 1847) посвятил истории.

Первое издание «Истории англосаксов», составившее 4 тома, было завершено в 1805 г. В соответствии с духом времени 3 первых содержали хронологическое изложение событий от первых известий о саксах до Нормандского завоевания 1066 г., а 4-й – изложение «манер, земельной собственности, управления, законов, поэзии, литературы, религии и языка англосаксов». В нем, в частности, есть разделы, посвященные пище, напиткам и кулинарии; одежде; домам, мебели и предметам роскоши; увеселениям и развлечениям. Несмотря на весьма скромный успех 1-го издания (было продано лишь 311 экземпляров) автор почти сразу начал работать над усовершенствованием труда, ведь малоизученного материала было в избытке. Второе издание вышло в 1807 г., третье – в 1820 г. В нем Тернер попытался дать пересказ эпической поэмы «Беовульф», почти неизвестной в то время широкой публике, а также одним из первых использовать данные «Книги Страшного суда» для анализа населения Англии во 2-й половине XI в. Нужно отметить, что Тернер самостоятельно изучал древнеанглийский язык и далеко не всегда точно трактовал тексты, особенно поэтические. В частности, сюжет «Беовульфа» в его изложении изобилует грубейшими ошибками, вызванными непониманием сложного аллитеративного стиха и особой образности текста [34]. В 1823–1852 гг. вышли еще 4 издания, каждое из которых содержало дополнения по сравнению с предыдущим. Одновременно с этим Тернер обратился и к истории Англии после 1066 г. В 1813–1829 гг. он опубликовал серию томов, доведя изложение до смерти конца Тюдоровского периода (1603 г.), однако они были гораздо менее оригинальны по содержанию и кругу источников, чем «История англосаксов». В 1837 г. все исторические сочинения Тернера были объединены в 12-томную «Историю Англии». За свои труды в 1835 г. он удостоился от короля ежегодной пенсии в 300 фунтов стерлингов.

Важно отметить, что Тернер использовал почти исключительно этноним англосаксы (Anglo-Saxon) по отношению к жителям донормандской Англии, избегая распространенных в его время синонимов, вроде Saxons или English-Saxons. Притягательность его труда для современников заключалась не в стилистическом

изяществе (Тернера не раз критиковали за тяжеловесность и напыщенность), но широкой, пускай и не всегда глубокой, эрудиции, искренней любви к предмету и горячем британском патриотизме, особенно актуальном в годы наполеоновских войн, когда выходило 1-е издание. Примером актуализации Тернером прошлого может служить данная им характеристика королю Альфреду: «Образ Альфреда, хотя он и является столь прославленной фигурой, обладает редким и особенно счастливым качеством: он может быть образцом для подражания всякому человеку. Это не кровожадный воин, чье честолюбие обращает в прах народы. Это не подобный Гомеру или Ньютону гений, чьи интеллектуальные способности всякое воображение превосходят и в отчаяние приводят. Жизнь таковых мужей мы не можем сделать образцом для собственной... Но Альфред был человеком, чьи многочисленным добродетелям мы можем обоснованно подражать. Мы можем следовать его примеру едва ли не во всем и, копируя его поведение, мы почти всегда сделаемся лучше и возвысим свою репутацию, если музыке славе доведется услаждать наше ухо» [37]. Не случайно, биография Альфреда занимает значительную часть (250 страниц) 2 тома «Истории англосаксов».

В предисловии к 6 изданию (1839 г.) Тернер открыто связывал англосаксонское прошлое и успехи современной ему Британской империи: «Растущее преуспевание британской нации и проистекающее от того приращение ее империи новыми колониями, которые, укрепляясь и расширяясь, простирают ветви ее господства в отдаленные области земного шара, делает тем более интересными для нас ее первые истоки и скромное начало... Англосаксам недоставало удивительных успехов, коих достигли их нынешние потомки. Но ежели бы они не приобрели и развили полезные качества, равно моральные и интеллектуальные, которые последовательно воспитывали, пока не прервалась их династия, Англия не стала бы столь возвышенной нацией, в каковую она постепенно превратилась после нормандской прививки к саксонскому стволу» [37].

Наряду с историческим значением понятия «англосаксонский» в XVIII в. возникает и его культурно-политическая трактовка. Первый известный пример подобного использования – речь Дж. Джерралда в 1794 г. на судебном процессе в Эдинбурге. Джерралд принадлежал к числу британских левых радикалов, под влиянием Французской революции стремившихся к проведению реформ, включая изменения в избирательном законодательстве, которые позволили бы участвовать в выборах более широким слоям населения. В 1794 г. Джерралд, как и другие члены Британского конвента народных делегатов, был арестован и обвинен в седиции (подстрекательстве к мятежу). На суде он отверг обвинение, утверждая, что стремился исключительно к мирным политическим реформам. По словам Джерралда, он и его единомышленники руководствовались

«великими и незыблемыми принципами разума и истины, ... которые полностью соответствуют духу англосаксонского правительства и не слишком отличаются от принципов старой конституции Шотландии» [10].

На протяжении XIX в. политико-культурное значение встречается все чаще, одновременно от него отпочковывается и этническое понимание. Возникает представление об «англосаксонской расе», которую, в зависимости от конкретного контекста начинаю противопоставлять «кельтской», «латинской», «африканской» или «индейской» [11]. Чтобы продемонстрировать значимость «англосаксонского» дискурса в британском обществе XIX–XX вв., уместно рассмотреть репрезентацию в художественной литературе события, которое традиционно рассматривалось, как завершение этого периода истории – Нормандского завоевания 1066 г.

В рамках этого исследования невозможно даже вкратце осветить историю изменений в его восприятии на протяжении 900 с лишним лет. Отчасти это сделано в недавней книге Ш. Браунли [22]. Мы остановимся лишь на трех отдельных «казусах», трех текстах XIX – начала XX вв. Благодаря первому из них — роману В. Скотта «Айвенго» — был во многом канонизирован статус событий 1066 г. как своего рода реперной точки английской истории. Второй — сказка Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» — показывает, как этот статус начал комически травестироваться в культуре викторианской эпохи. Третий — юмористическая книга У. Селлара и Р. Йетмена «1066 год и все такое» — завершил пародийную деконструкцию официального нарратива официозной британской истории, но при этом и окончательно сделал 1066 г. главной английской «исторической» датой.

Роман Вальтера Скотта «Айвенго» был опубликован ровно 200 лет назад, в самом конце 1819 г. (поэтому на обложке указан уже 1820 г.). В наше время эта книга, как и все творчество шотландского романиста, прочно вошла в категорию детско-юношеского чтения, но современники относились к Скотту совершенно иначе. Во многом, именно «Айвенго» стал парадигматическим текстом для всей позднейшего европейского медиевализма. В 1826 г. известный русский журналист Н. А. Полевой в газете «Московский телеграф» писал о Скотте: «Его творения читают и переводят с равным нетерпением в Париже, Стокгольме, Варшаве, Милане и Москве. Этого мало: он мирит вкусы всех званий и состояний. Математик оставляет решение задачи и дочитывает роман В. Скотта; модная дама не едет на бал, получив роман его; историк учится писать у В. Скотта; философ удивляется, как умел он разгадать такие тайны сердца человеческого, которые понятны ему только чрез отвлеченные и утомительные исследования» [21]. Историки не остались в стороне: творчество Скотта оказало влияние на таких корифеев, как Леопольд фон Ранке, Томас Бабингтон Маколей и Огюстен Тьерри [26].

Хотя действие «Айвенго» происходит в конце XII столетия, автора интересовали именно последствия Нормандского завоевания. Об этом Скотт пишет уже в начале первой главы: «Завоевание Англии норманским герцогом Вильгельмом значительно усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий. Четыре поколения не смогли смешать воедино враждебную кровь норманнов и англосаксов или примирить общностью языка и взаимными интересами ненавидящие друг друга народности, из которых одна все еще упивалась победой, а другая страдала от последствий своего поражения... Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов... раны, нанесенные завоеванием, не заживали вплоть до царствования Эдуарда III. Велики национальные различия между англосаксами и их победителями; воспоминания о прошлом и мысли о настоящем бередили эти раны и способствовали сохранению границы, разделяющей потомков победоносных норманнов и побежденных саксов» [16].

«Айвенго» стал десятым романом Скотта. Как и предыдущие, он вышел анонимно (на обложке лишь значилось, что это сочинение автора романа «Уэверли») и имел коммерческий успех: в Англии за первые две недели были проданы десять тысяч экземпляров. Всего же за первые сто лет книга выдержала около восьмидесяти полных изданий [30]. Успеху книги не помешала скорость, с какой она была написана: Скотт начал работу в начале июля 1819 г. и завершил спустя четыре месяца. Материал писатель черпал из нескольких основных источников: сочинений уже знакомых нам Джозефа Стратта (1749–1802), Роберта Генри (1718–1790) и Шарона Тернера (1768–1847). Обращался Скотт и к средневековым первоисточникам, правда, не XII в., а более поздним: балладам, поэзии Джеффри Чосера и анонимному роману XIV в. «Ричард Львиное Сердце». При такой спешке неизбежны были ошибки. Так, Скотт перепутал буквы в англосаксонском имени Кердик (его носил легендарный основатель королевства Уэссекс), из-за чего под его пером возникло имя Седрик, вскоре ставшее довольно популярным в викторианскую эпоху.

«Айвенго» по содержанию резко отличался от предыдущих романов Скотта. Все они были посвящены разным событиям истории Шотландии XVII–XVIII вв., теперь же писатель взялся за куда более отдаленный хронологический период, при этом среди действующих лиц не было ни одного шотландца. Однако такая смена темы, вероятно, не была случайной. По убедительному предположению Ч. Уорта, высказанная в «Айвенго» идея о слиянии побежденных саксов и победителей нормандцев в новую единую нацию должна была натолкнуть читателей на параллель с аналогичным процессом, происходившим во время Скотта с шотландцами и англичанами [30]. В самом деле,

действие «Айвенго» происходит спустя примерно 130 лет после Нормандского завоевания 1066 г., Скотт пишет спустя 112 лет после акта об унии Англии и Шотландии. В романе он декларирует необходимость объединения двух народов при сохранении лучших черт каждого. Заглавный герой — сакс Уилфред-Айвенго принимает нормандскую культуру как более высокую и успешно интегрируется в нее. Король Ричард Львиное Сердце, в свою очередь, понимает, что должен стать монархом в равной степени для всех своих подданных, независимо от этнического происхождения. Важной фигурой в романе Скотт сделал персонажа позднесредневековых баллад Робина Гуда (Локсли). При этом он был изображен современником короля Ричарда I и связан с сопротивлением нормандским завоевателям благодаря тому, что Скотт перенес на него черты предводителей реальных восстаний против Вильгельма Завоевателя: Эадрика Лешего и Хереварда.

Две главные историософские темы романа — антагонизм завоевателей и завоеванных, а также начало их постепенного примирения ко взаимной выгоде — Скотт заимствовал у историков, на труды которых опирался. Тернер, которого, пускай и с оговорками, можно считать представителем вигской историографии, рассматривал Нормандское завоевание прежде всего, как один из этапов поступательного развития британской нации, «революцию», позволившую преодолеть «островную» изоляцию, укрепившую культурные и экономические связи Англии с континентальной Европой, что способствовало процветанию обеих. Генри, принадлежавший к торийскому направлению, последователь Д. Юма, видел в событиях 1066 г. главным образом насилие над традиционной английской свободой, подчеркивал бесчинства нормандцев и страдания побежденных. Скотт соединил и творчески переработал обе эти концепции. Важно отметить, что, выводя в романе в качестве противоборствующих сторон два консолидированных этноса (две «расы») — «саксов» и «нормандцев», писатель конструировал фиктивные общности, не соответствовавшие реалиям XII в. Но подобный подход позволил ему апеллировать к идее национального строительства через объединение разных этносов, что было актуально для имперских идеологий Европы XIX в. (в противовес проектам национального строительства на моноэтнической основе, тоже актуальным для той эпохи).

Вместе с тем, необходимо отметить, что Скотт, в отличие от многих других английских авторов XIX в., не был готов безоговорочно встать на сторону англосаксов в рассказе о завоевании. Хотя немало страниц романа посвящено изображению отрицательных качеств нормандских баронов и, в особенности, принца Джона — будущего короля Иоанна Безземельного, саксы далеко не идеализированы. И в этом тоже можно усмотреть влияние Тернера. В «Истории Англии после Нормандского завоевания» (1814 г.,

за 5 лет до книги Скотта) тот писал: «Англосаксы, некогда самое яростное из племен хищного Севера, под совместным влиянием достатка и роскоши, крупной земельной аристократии и обросшей дарами церковной иерархии, превратились в покорный и робкий народец. Но это было движение в сторону вырождения, а не цивилизации. Государи их были слабы умом, знать – непокорна и изнежена, клирики – порочны и невежественны, простонародье – раболепно и униженно. Все почтенные саксонские установления по форме продолжали существовать, но дух их испарился...» [39]. Эти перечисленные недостатки заметны в изображенной Скоттом фигуре саксонского тэна Ательстана – тезки короля X в. Примечательно, что в наиболее симпатичном свете – если не считать достаточно схематичного заглавного героя – из персонажей-саксов представлены простолюдины: Гюрт, Вамба, Роберт из Локсли и его товарищи. Именно опора на таких людей и позволяет королю Ричарду стать по-настоящему великим монархом.

Сформулированные в книге Скотта исторические мифы были восприняты последующими английскими авторами XIX — начала XX вв. Идея противостояния покоренных саксов завоевателям-нормандцам была продолжена в пользовавшихся большим успехом романах Эдварда Булвер-Литтона «Гарольд, последний из саксов» (1848 г.) и Чарлза Кингсли «Херевард Бдительный, последний англичанин» (1866 г.), а также драме Альфреда Теннисона «Гарольд» (1876 г.). Мыслью о британской нации как результате синтеза англосаксов, нормандцев (а также кельтов и даже римлян) проникнут цикл Р. Киплинга «Пак с холма Пука» (1906) [22]. Кратко остановимся на некоторых из этих произведений.

Булвер-Литтон (1803–1873), снискавший у потомков сомнительную славу одного из самых занудных романистов викторианской эпохи, был достаточно популярен в свое время. Стоит отметить, что он был и достаточно видным политическим деятелем, долгое время депутатом Палаты общин (в 1831–1841 и 1852–1866), а затем пэром Англии (с 1866 г.). Булвер-Литтон стремился пойти дальше Скотта в развитии жанра исторического романа. В качестве персонажей он, как правило, выбирал реальных, а не вымышленных лиц и с помощью художественного воображения стремился восполнить недостаток фактов. По признанию самого писателя, его целью было «проиллюстрировать реальную историю и полнее, чем это делает общая История, представить характеры главнейших персонажей того времени, а также и мотивы, которыми они вероятно руководствовались» [40]. Несмотря на декларируемую приверженность «фактам» Булвер-Литтон легко менял их в угоду собственному замыслу. Например, его Гарольд изображен гораздо более молодым человеком, чем реальный англосаксонский эрл, которому момент битвы при Гастингсе было почти 45 лет – весьма почтенный по меркам XI в. возраст (Вильгельм Завоеватель был

на 5–6 лет моложе). В романе Булвер-Литтон же предстает выписанный по канонам того времени молодой романтический герой, чьи действия во многом движает трагическая любовь к Эдите Лебединой Шее и привязанность к родным, а не трезвый расчет. Из-за неблагоприятного стечения обстоятельств Гарольда ждет трагический конец. Во многом повторяют этот образ и изображение «последнего англосаксонского короля» в пьесе Альфреда Теннисона.

Заглавие романа Кингсли «Херевард Бдительный, или Последний из англичан» (опубликован 1866 г. – 800-ю годовщину битвы при Гастингсе) содержало явную отсылку к книге Булвер-Литтон, но в то же время и полемизировало с ней. Кингсли, который был не только англиканским священнослужителем и литератором, но и профессором новой истории в Кембриджском университете (в 1860–1869 гг.) максимально ответственно подошел к проблеме исторической достоверности. Все выведенные на страницах книги персонажи имеют упомянутых в средневековых источниках прототипов. Однако этот материал Кингсли поставил на службу собственным идеям, в т. ч. представлению о «тевтонских» корнях английского народа и крайней неприязни к католицизму (Кингсли был известен, в частности, публичной полемикой с лидером англо-католиков кардиналом Генри Ньюменом). Если в средневековых источниках, созданных представителями духовенства, нападение Хереварда в союзе с датчанами на аббатство Питерборо было актом святотатства, то Кингсли видел его в позитивном свете – как удар по тирании нормандских завоевателей и «римской» Церкви. В соответствии с собственными расовыми идеями Кингсли подчеркивал в наиболее неприятных нормандских баронах их французскость. Напротив, Вильгельм Завоеватель, хотя и враг Хереварда, изображен скорее в положительном свете. При этом автор делает акцент на его скандинавских корнях, происхождении от викинга Роллона. В конце книги Херевард попадает в засаду и трагически гибнет от рук нормандских баронов (здесь Кингсли следует версии хрониста XII в. Жефрея Гаймара), но остается моральным победителем. Как убежденный христианин, Кингсли видел в любом историческом событии проявление божественного провидения и готов был признать, что события 1066 г. имели и положительные последствия: «Англия, Шотландия, а в свой черед и Ирландия стали «неотъемлемой частью единого христианского содружества, приобщились к античной цивилизации и учености, источником которых – ко благу или ко злу – были Рим и папа Римский» [44]. В конечном счете, и Кингсли, при всем своем национализме, признавал события 1066 г. как истинное рождение английской нации, следуя в русле идей Скотта.

Влияние «Айвенго» не ограничивалось сферой беллетристики. Заложенная в романе идея формирования единой английской нации через взаимную ассимиляцию саксов и

нормандцев стала краеугольным камнем модели истории, доминировавшей в викторианскую эпоху. Еще одним фактором, повлиявшим на господствующие представления о противостоянии англосаксонской, кельтской и латинской «рас» в средневековой истории Британии, стали бурно развивавшиеся в XIX столетии биологические теории, в особенности дарвинизм. Интерес к ним способствовал развитию физической антропологии и краниологии (изучения формы черепов). Естественным было желание исследователей применить модные теории к британскому материалу. Дж. Б. Дэвис и Дж. Тёрнем в книге «Crania Britannica: Измерения и описания черепов аборигенов и ранних обитателей Британских островов» (1865 г.) сравнивали бриттов с «примитивными», технологически отсталыми африканскими и азиатскими народами. При этом особенности внешности легко и безосновательно сопрягались с определенными чертами характера. Гэлоязычных жителей Ирландии они характеризовали, как «примитивную расу... дикую, суеверную и мстительную», валлийцев называли «лукавыми, ненадежными, вероломными и хитрыми». Напротив, англосаксы, в наиболее «чистой» форме представленные жителями внутренних областей Англии, предстают «крепкими, крупными людьми с румяными лицами, светлыми глазами и волосами, крупными головами», а потомки скандинавов – «неутомимыми завоевателями и колонизаторами» [42].

Наиболее яркое воплощения расовый англосаксонизм XIX в. нашел в превознесении фигуры короля Альфреда. Пожалуй, наиболее емко такой подход сформулировал известный историк Эдвард Огастес Фримен: «Альфред – это самый идеальный герой мировой истории... Ни один известный человек не сочетал столь полно добродетели правителя и частного лица. Ни в одном другом известном человеке столь многие добродетели не были столь мало искажены несовершенством. Святой, лишенный суеверия; ученый, лишенный предубеждений; воин, сражавшийся исключительно для защиты своей страны; триумфатор, чей лавровый венок не был запятнан жестокостью; государь, которого никогда нельзя было заподозрить в пристрастности и который никогда не чванился в момент торжества. Нет в истории имени, которое можно было бы сравнить с этим» [35]. В поле публичной истории ярким проявлением коммеморации Альфреда стало открытие его памятника в городе Уонтедж (Оксфордшире), предполагаемом месте рождения этого монарха, 14 июля 1877 г. Автором проекта был военный моряк и скульптор-любитель Виктор Фердинанд фон Гогенлоэ-Лангенбург, граф фон Гляйхен, племянник королевы Виктории. Монумент соединяет в себе разные стороны личности Альфреда – он и воин, и законодатель. В правой руке король держит могучий боевой топор, но он опущен к земле – войны завершились победой, настало время мира, который символизирует свиток с законами в левой руке. Моделью для скульптуры послужил местный землевладелец и

спонсор всего проекта полковник Роберт Ллойд-Линдси, позднее получивший титул лорда Уонтеджа. Примечательно, что это был лишь второй в Британии памятник средневековому монарху, после скульптуры Ричарда Львиное Сердце, установленной в 1860 г. у здания парламента в Вестминстере. Сама Виктория тоже была искренней поклонницей уэссекского монарха. Не случайно своему второму сыну, родившемуся в 1844 г., она дала имя Альфред, ранее нехарактерное для королевской семьи. После смерти любимого мужа, принца Альберта, в 1861 г. королева (по предложению своей старшей дочери Виктории) заказала скульптору Уильяму Тиду скульптурный портрет себя и покойного мужа в англосаксонских одеждах, смоделированных по образцу популярных картин о короле Альфреде. Еще одной манифестацией «альфредизма» в публичной сфере стали торжества 7 августа 1878 г. по случаю 1000-летия заключения мирного договора между Альфредом и вождями викингов, прошедшие в деревне Уэдмор в Сомерсете. Программа включала проповедь епископа Бата и Уэллса в местной церкви, серию речей в мэрии, торжественный обед на 800 персон и последовавшие за ним увеселения [35].

Достижения ученых-медиевистов (У. Стебса, Х. Ронда, Ф. Мэтланда и многих других) на протяжении 2-й половины XIX столетия ставили под сомнение и развенчивали легенды о создании королем Альфредом ключевых институтов британской государственности и общества (Оксфордского университета, парламента, суда присяжных, деления страны на графства и т. д.), но до поры до времени это не беспокоило более широкую публику. Доходило даже до того, что биографии короля Альфреда начали видеть предзнаменование британского владычества в Индии. Источником этой идеи было известие Англосаксонской хроники под 883 г. о том, как король Альфред направил двух своих приближенных, Сигехельма и Этельстана, с пожертвованиями (букв. милостыней) в Рим к папе Марину I, а также к гробницами апостолом Фомы и Варфоломея. Местонахождение последних в одних рукописях указано, как Индия, а в других – как Иудея. Согласно христианским легендам, проповедь и мученическая гибель этих апостолов действительно происходили в Индии, однако достаточно сложно сказать, какие именно земли смогли посетить посланцы англосаксонского монарха. Однако подобная неопределенность нисколько не смущала викторианских апологетов альфредизма. В эссе «Альфред как географ» (1902 г.) известный географ и путешественник сэра Клементс Маркхем (1830–1916) утверждал, что Сигехельм и Этельстан посетил «страну, которой было суждено спустя века стать ярчайшим самоцветом в короне потомков Альфреда Великого» [45].

Уже с 1880-х страна начала готовиться к 1000-летнему юбилею смерти Альфреда, который, как предполагали, выпадал на 1901 г. Первым обратил внимание общественности на приближение знаменательной даты в 1888 г. историк, один из апологетов позитивизма в

Англии Фредерик Гаррисон (1831–1923). В октябре 1897 г. в одной из публичных лекций он предложил воздвигнуть памятник великому монарху в его столице, Уинчестере. За идею обеими руками схватился молодой и предприимчивый мэр этого города Альфред Баукер. Уже 20 ноября в «The Times» появилось объявление о готовности властей Уинчестера организовать юбилейные мероприятия. В январе 1898 г. к проекту были привлечены иерархи Англиканской церкви (включая архиепископа Кентерберийского и епископа Лондонского), а также лорд-мэр Лондона. В том же году на страницах авторитетного научного журнала «The English Historical Review» развернулась дискуссия относительно даты рождения короля. Дотошные источниковеды, в первую очередь У. К. Стивенсон, высказали убедительное предположение, что в хронологию Англосаксонской хроники вкрались ошибки, и король в действительности скончался в 899 г. Но организаторы предпочли проигнорировать их аргументы, вероятно, понимая, что в противном случае времени на достойную подготовку не хватит. В конечном счете в Альфредовский комитет вошел едва ли не весь истеблишмент поздневикторианской Британии. Среди членов были актер Генри Ирвинг и поэт лауреат Альфред Остин, историки Уолтер Скит и лорд Джон Актон, президент Королевской академии, директора Национальной портретной галереи и Британского музея, видные деятели Консервативной и Либеральной партий, писатели Редьярд Киплинг, Томас Харди, Генри Райдер Хаггард, Эдмунд Госс, Артур Конан Дойл. В знак религиозного плюрализма в комитет вошли верховный раввин Британской империи Герман Адлер и католический примас кардинал Герберт Вон. На втором заседании комитета создатель Шерлока Холмса заявил: «Мы отмечаем не просто юбилей смерти короля Альфреда, а величие институтов, которые он основал. Этот юбилей, можно сказать, должен стать тысячелетним верстовым столбом в грандиозном путешествии нашей расы...» [45]. Начался сбор средств по подписке. Их предполагалось потратить на создание в Уинчестере музея древней английской истории (проект так и не был реализован), а также на возведение памятника Альфреду. Он был заказан молодому скульптору Амо Торникрофту, ведущему представителю реалистического направления. За возведение статуи высотой не менее 4 метров он получал гонорар в 5 тысяч фунтов (включая стоимость материалов). В итоге высота статуи составила почти 6 метров (с постаментом более 13 метров), более чем вдвое выше памятника в Уонтедже. Из-за технических сложностей с установкой колоссальной фигуры торжества пришлось перенести с лета на конец сентября 1901 г. В числе почетных гостей были ученые из ведущих университетов Британской империи, а также США. На приеме в Уинчестере вечером 19 сентября был представлен ряд драматических сцен, иллюстрирующих важнейшие события жизни Альфреда, включая наиболее известные легенды о сгоревших лепешках и переодевании в менестреля. На

следующий день состоялась кульминация торжеств – открытие памятника, которое доверили бывшему премьер-министру от Либеральной партии лорду Роузбери. В своей речи он в духе времени подчеркивал и выдающие личные качества Альфреда, и его значение как основоположника Британской государственности. В честь прошло немало других мероприятий, включая выставку в Британском музее, выход большого числа книг, как научных, так и вполне популярных и даже стал спуск на воду броненосного крейсера «Король Альфред» (28 октября 1901 г.; впоследствии он принял участие в 1-й мировой войне и в 1918 г. даже был торпедирован немецкой субмариной, но после ремонта вернулся в строй). Торжествам не смог помешать даже траур по случаю кончины Виктории (22 января 1901 г.).

Сформулированная Скоттом концепция Нормандского завоевания отражалась и в сугубо научных трудах (таких, как «Конституционная история Англии» Уильяма Стебса или «История Нормандского завоевания Англии» Эдварда Фримена), и в более популярной литературе (например, выдержавшей большое число изданий «Краткой истории английского народа» Джона Ричарда Грина), и в учебных пособиях. В числе последних был и «Краткий курс истории» оксфордского дона Хэвиленда Ле Мезюрье Чепмелла (впервые опубликован в 1848 г.) [23]. В свое время этот учебник был довольно популярен, выдержав несколько изданий. Но сегодня его помнят в основном из-за того, что фрагмент из него другой оксфордский преподаватель, Чарлз Латуидж Доджсон, прославившийся под псевдонимом Льюис Кэрролл, включил в свою знаменитую сказку «Алиса в Стране чудес» (1865 г.). Известно, что третье издание (1862 г.) учебника Чепмелла имелось в семье Лидделл, именно по этой книге учили историю прототип кэрролловской героини Алиса Лидделл и ее сестры.

Мышь (прототипом которой считают мисс Прикетт — гувернантку в семье Лидделл) обещает высушить промокших после вынужденного купания в море слез Алису и других зверушек. Для этого она читает им «самую сухую» вещь, какую знает — рассказ о том, как лидеры англосаксов после битвы при Гастингсе решили признать королем Вильгельма Завоевателя. Этот текст вызывает содрогание у слушателей: Попугайчика Лори, под которым имеется в виду Лорина, старшая сестра Алисы Лидделл, и Робина Гуса (в оригинале Утка — the Duck) — друга Кэрролла, оксфордского каноника Робинсона Дакворта (1834–1911) [13].

Чем руководствовался Кэрролл, вставляя в свою сказку именно эту цитату? Мы можем, конечно, лишь догадываться. Возможно, за едкой оценкой книги Чепмелла как «самой сухой» вещи стоят какие-то личные счеты, ведь оба оксфордских дона почти наверняка были знакомы друг с другом. В пользу личной неприязни говорит и то, что в

выбранном Кэрроллом фрагменте есть слова о «наглости норманцев» (insolence of Normans) — а Чепмелл был уроженцем острова Гернси, расположенного у берегов Нормандии. Вместе с тем, нельзя исключать и версию, что выбор Кэрроллом из всего учебника Чепмелла именно фрагмента, посвященного Нормандскому завоеванию, был связан со значением, которое этому событию уделяли идеологи Англиканской церкви, видевшие в нем важный этап установления церковного контроля Рима над Англией. В книге Чепмелла «патриотический» архиепископ Стиганд (термин абсолютно анахронистический для XI в.) выступает как адепт «англиканизма». При желании здесь можно усмотреть намек на т. н. Оксфордское движение, лидеры которого (Дж. Г. Ньюмен и Э. Пьюзи) выступали за возврат Англиканской церкви к традиционным корням и сближение с Римом. Ньюмен в 1845 г. перешел в католичество, что имело большой общественный резонанс. Отец Кэрролла, англиканский священник Ч. Доджсон, был другом Пьюзи. Согласно остроумной, хотя и трудно доказуемой гипотезе Ш. Лесли, в сказках об Алисе были аллегорически выведены лидеры Оксфордского движения, его оппоненты, а также связанные с ним события [25]. Но важнее всего, думается, для Кэрролла в данном случае было в целом неприятие сухой школьной истории, построенной вокруг фигур королей и епископов, заучивании имен, дат и упрощенно-телеологических концепций. И квинтэссенцией подобной истории для него (и для его читателей) выступал именно рассказ о событиях 1066 года. Стоит отметить, что цитату из учебника Чепмелла в сказке Кэрролла исследователи выявили лишь в 1953 г. Однако еще за тридцать лет до того В. В. Набоков в своем переводе под названием «Аня в Стране чудес» в соответствующем месте вставил фрагмент (о сыновьях Владимира Мономаха) из подлинного школьного учебника по истории, только русского — «Учебника русской истории для средней школы» С. Ф. Платонова (впервые опубликован в 1909–1910 гг., впоследствии многократно переиздавался: в России вплоть до 1917 г., а затем в эмиграции в Праге). По-видимому, художественная интуиция и блестящее знание английского языка помогли Набокову опознать в этом месте заимствование из реального учебника, хотя едва ли он был знаком с книгой Чепмелла.

«Вигская» модель с истории с ее апологией неуклонного прогресса Британского государства оказалась значительно дискредитирована после катастроф Первой мировой войны и последовавшего за ней кризиса Британской империи, которая начала вынужденную трансформацию в сторону Британского содружества наций (выражение возникло еще в конце XIX столетия, а в официальном обиходе было закреплено на Имперской конференции 1926 г., установившей равенство Соединенного Королевства и всех доминионов). Само развитие британской имперской идеи во многом подрывало националистические и расовые измерения англосаксонизма, делая более актуальной

идеологию космополитичной «британскости». Подрывали популярность англосаксонизма антигерманские настроения, набиравшие силу в английском обществе начиная с 1870-х гг. и достигшие апогея в ходе двух мировых войн. В результате, Нормандское завоевание начало рассматриваться не как крушение традиционных английских свобод, а как позитивное событие, сделавшее возможным будущее величие Британии (отметим, что во многом это был возврат к идеям Тернера и Скотта). Так, популярный в свое время детский писатель А. Г. Хенти в книге «Вульф Саксонец: рассказ о Нормандском завоевании» (*Wulf the Saxon: a Story of the Norman Conquest*, London, 1894) наставлял юных читателей, что «смесь саксонской, датской и бриттской рас, которая стала известна под общим именем англичан, в некоторых отношениях находилась в хвосте Европы... Однако приход энергичной нормандской расы подстегнул интеллект народа, повысил его сознательность, принес неисчислимые блага англичанам и сыграл важную роль в повышении места Англии среди прочих стран. Более того, в результате возникла раса, которая заселила Северную Америку, Австралию и Южную Африку, овладела Индией и возвысилась, как величайший источник цивилизации во всем мире. Завоевание Англии нормандцами... в свое время стало безоговорочным бедствием, но сегодня мы сознаем огромные блага, произошедшие, когда англичане в своей черед победили нормандцев, и чужеземные завоеватели стали неотъемлемой частью народы, который прежде одолели» [41].

Сходные мысли можно заметить и в чуть более поздней и тоже адресованной юношеству книге Генриетты Элизабет Маршалл «История нашего острова» (1905). В свое время она была признана классикой жанра и регулярно переиздается даже в XXI в. В 2010 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон даже назвал сочинение Маршалл своей любимой детской книгой [43]. Характерную для нее манеру изложения можно проиллюстрировать характеристикой короля Иоанна Безземельного: «Ни один король Англии не был таким плохим, как Иоанн. Он был плохим сыном, плохим братом, плохим королем и плохим человеком. Но из его дурного правления вышло великое благо для английской нации». В результате завоевания 1066 г., по словам Маршалл, англичане оказались «рабами и слугами гордых нормандских господ», и «между двумя расами была жгучая ненависть». Однако в начале XIII в., после того, как Иоанн Безземельный лишился владений во Франции, «ненависть между нормандцами и англичанами умерла, поскольку различия исчезли, а нормандские бароны стали английскими баронами» [22]. Стоит отметить, что среди многочисленных сочинений Маршалл был и пересказ «Беовульфа» для детей (*Stories of Beowulf Told to the Children*, 1908).

Книги Хенти, Маршалл и их коллег стали мишенью книги У. Селлара и Р. Йетмена «1066 год и все такое» (1931 г.) [31]. В этой блистательной сатире на школьные учебники и

книги для детей по истории буквально доводились до абсурда характерные для подобной литературы дидактичность и упрощенные оценки прошлого. В жанровом отношении книга Селлара и Йетмена очень близка пародия на отечественные учебники истории, «Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”» (1910 г.) [29].

Поскольку, в отличие от Скотта и Кэрролла, авторы книги «1066 год и все такое» практически неизвестны русскоязычному читателю, позволим себе вкратце остановиться на их биографиях. Уолтер Каррузерс Селлар родился в декабре 1898 г. в семье шотландского фермера, в 1917 г. побывал на фронте, где был ранен. В 1919–1922 гг. учился в оксфордском Орайел-колледже по специальности «Новая история», из-за болезни получил степень магистра без выпускных экзаменов. Позднее он преподавал историю школе в Эдинбурге, с 1925 г. писал заметки для знаменитого юмористического журнала «Панч», в 1928 г. попытался стать профессиональным литератором, но не преуспел на этом поприще и в следующем году вернулся к педагогической карьере в английской глубинке: в Дорсете, а с 1932 г. в Суррее, где работал до смерти в 1951 г. Роберт Джулиан Йетмен был на полтора года старше соавтора. Он происходил из семьи преуспевающего британского виноторговца, обосновавшегося в португальском городе Порту. Йетмен тоже воевал и был ранен, в 1919 г. в Орайел-колледже подружился с Селларом. В отличие от друга не получил степень магистра, поскольку не смог внести плату за выпускные экзамены. Позднее работал журналистом и рекламщиком (в т. ч. в компании «Кодак»), а также писал для «Панча». Именно на страницах этого знаменитого юмористического журнала в 1930 г. начали выходить совместные материалы Селлара и Йетмена на тему британской истории. Осенью того же года они были выпущены отдельной книгой, имевшей большой успех. Во второй пол. 1930-х гг. по книге даже был поставлен популярный лондонский мюзикл. Ее продолжают регулярно переиздавать до настоящего времени. Последнее, на сегодняшний день, издание вышло в 2010 г. Книга имела несколько продолжений (созданных другими авторами) и множество подражаний.

Написанная в разгар Великой депрессии книга отразила дух времени. Ее пронизывает идея конца истории — так Селлар и Йетмен иносказательно именуют утрату Британией статуса «ведущей нации» (Top Nation), который перешел к США. Об этом говорится уже в открывающем книгу «Обязательном предисловии» (Compulsory Preface): «Прежние Истории авторы писали, чтобы возвеличить себя. Цель этой Истории — утешить читателя. Никакая другая история этого не делает. История — это не то, что вы думаете. Это то, что вы можете запомнить. Любая другая история проигрывает сама себе. Это единственная Запоминающаяся История Англии, поскольку вся История, которую вы можете запомнить, заключена в эту книгу, ставшую итогом многолетних изысканий в

гольф-клубах, охотничьих комнатах, оранжереях и т. д. Например, две из четырех первоначально включенных в нее дат в последний момент были исключены, поскольку изыскания, проведенные во время матча между Итоном и Харроу, показали, что они — не запоминающиеся. Редакторы будут признательны за дальнейшее содействие в исключении, в будущих изданиях, любого столь же неисторического материала, который, вопреки их бдительности, мог прокрасться в текст. Они пользуются возможностью выразить свой неоценимый долг массе образованных мужчин и женщин своей расы, чьи исторические интуиция и мнения включены в этот труд. А также Великому Британскому Народу, без чьей самоотверженной решимости стать ведущей Нацией не было бы никакой (запоминающейся) истории. История теперь подошла к концу (см. стр. 115), следовательно, эта История — окончательная» [31]. 1066 г. представлен в книге как вторая (и последняя) «запоминающаяся» дата английской истории — после похода в Британию Юлия Цезаря в 55 г. до н. э. Доводя до абсурда викторианскую идею о Нормандском завоевании как главной дате и поворотном моменте британской истории, авторы кратко резюмируют: «Нормандское завоевание было Хорошим Делом [одним из 103, заявленных в заглавии книги — С. М.], поскольку с этого времени Англию перестали завоевывать, благодаря чему она смогла стать ведущей нацией» [31].

Популярность книги Селлара и Йетмена сыграла противоречивую роль в последующем восприятии Нормандского завоевания массами. С одной стороны, книга окончательно закрепила, «канонизировала» в британской культуре статус 1066 г. как главной «исторической даты». С другой стороны, связанные с этой датой лица и события оказались вытеснены на периферию исторической памяти и мифологии, даже в категории «Средневековье» уступая таким сюжетам, как артуровские легенды или Война роз. Это касается и англосаксонской тематики в целом. По наблюдению Т. Шиппи, в массовой культуре XX в. она явно проигрывала таким медиевальным темам, как артуровские легенды или истории о викингах. Англосаксонской эпохе посвящено сравнительно немного произведения и даже они, включая и детскую литературу, демонстрируют тенденцию переносить фокус с самих англосаксов на их более интересных и знакомых аудитории врагов — викингов или нормандских рыцарей Вильгельма Завоевателя. Историк Хоуп Манц написал роман «Золотой воин: история Гарольда и Уильяма» (1950) — еще один рассказ о конце англосаксонской эпохи. Альфред Дугган написал романы о королях Альфреде Великом («Король Этелни», 1961) и Эдуарде Исповеднике («Хитрость голубя», 1960), а также о Кердике, легендарном основателе Уэссекса («Сознание короля», 1962), однако они не снискали большой популярности. Героя опубликованной в 1983 г. книги Брайана Бейтса «Путь Вирда» Шиппи описал, как «англосаксонского Карлоса Кастанеду», что едва ли

можно считать образцом исторического романа. Столь же эксцентричны по большей части и современные обращения к самому знаменитому памятнику древнеанглийской литературы, поэме «Беовульф». Самое лучшее и известное из них – книга американца Джона Гарднера «Грендель» Джона Гарднера (1971). Но, как ясно уже из названия, эта работа прежде всего была призвана перевернуть мир эпоса, показать его с точки зрения не героя, а антагониста. Обратился к теме «Беовульфа» и Майкл Крайтон, автор ряда сенсационных триллеров (прежде всего, «Парка Юрского периода»), в книге с характерным названием «Пожиратели мертвых» (1976 г., в 1999 г. экранизирована под названием «Тринадцатый воин»). Гораздо меньшую известность получила книга У. Х. Кэнзуэя «Дарители кольца» (1958 г.), отличающаяся внимательным и бережным обращением с историческим материалом. В качестве общего правила Шиппи отмечает, что единственными неизменно успешными творческими работами, использующими англосаксонский материал за последние два столетия («Айвенго», «Грендель» и, возможно, «Херевард» Ч. Кингсли), были те, которые отодвигали на задний план или трансформировали его [41]. Показательно, что в список «100 величайших британцев», составленный по итогам прошедшего в 2002 г. на BBC популярного шоу¹ из средневековых персонажей попали короли Альфред (14 место), Артур (51 место), Генрих V (72 место), Ричард III (82 место), Генрих II (90 место) и Эдуард I (94 место), последний принц Уэльса Оуайн Глиндур (23 место) и герои борьбы за независимость Шотландии: Уильям Уоллес (48 место) и король Роберт Брюс (74 место). При этом списке не было ни Вильгельма Завоевателя, ни Гарольда Годвинсона, ни Эдуарда Исповедника. Даже в фигуре Робина Гуда, сохраняющей популярность, со второй пол. XX в. на первый план вновь (как у писателя Джозефа Ритсона, который в конце XVIII в. вернул интерес к этому полузабытому персонажу старинных баллад) вышел социальный, а не этнический аспект его бунтарства. Пожалуй, единственной областью современной массовой культуры, проявляющей интерес к событиям Нормандского завоевания, стали компьютерные игры-стратегии (например, «Age of Empires II: The Conquerors» или «Medieval II: Total War»), но в них акцент сделан скорее на средневековом военном деле, а не на этническо-политических аспектах завоевания.

Может ли сложившееся положение вещей измениться? Этого нельзя исключать. Например, разворачивающаяся буквально на наших глазах драма (или, если угодно, трагикомедия) по поводу членства Соединенного Королевства в Европейском союзе неизбежно актуализирует проблему связей Британии и «континента». А значит, вполне

¹ Оно вызвало много подражаний в др. странах, включая и отечественное «Имя России».

возможно, в каком-то виде окажутся востребованы современным обществом и образы, связанные с «самым памятным годом» в британской истории.

Было бы неправильно утверждать, что «англосаксонский миф» одинаково широко был представлен во всех областях британской публичной истории XIX–XX вв. Так, он, как и в целом медиевализм, обошел стороной такую важную и интересную форму коммеморации, как государственные награды. Влияние средневековых преданий заметно лишь в созданных в подражание рыцарским орденам и, в частности, ордену Подвязки, наградах конца XVII – XVIII вв. Это Древнейший и благороднейший орден Чертополоха (англ. The Most Ancient and Most Noble Order of the Thistle), учрежденный в 1687 г. королём Шотландии Яковом VII Стюартом (который одновременно был королём Англии под именем Якова II). Орден был задуман как шотландский аналог английского ордена Подвязки. Название он получил в честь чертополоха как одного из символов Шотландии (по легенде, напавшие на Шотландию в 1263 г. норвежцы пытались босыми незаметно подойти к врагу, но выдали себя, попав в заросли чертополоха). Создание ордена было представлено как восстановление ранее существовавшего рыцарского ордена (по разным версиям, основанного в IX, XIV или XV столетии), но эта традиция не имеет под собой исторической основы. После объединения в 1707 г. Англии и Шотландии в Соединённое королевство *Великобритания* орден сохранил характер шотландской награды. Первоначально включал суверена (шотландского монарха) и 12 рыцарей, в 1827 г. король Георг IV увеличил число рыцарей до 16. Существуют также не входящие в это число «дополнительные» рыцари, главным образом члены британской королевской семьи и иностранные монархи (впервые в 1962 г. король Норвегии Улаф V). С 1987 г. полноправными членами ордена могут быть женщины (ранее это делалось только как исключение). С 1946 г. орден Чертополоха, как и орден Подвязки, рассматривают как личные награды, вручаемые британским монархом. На знаке ордена изображён апостол Андрей Первозванный, держащий в руках серебряный крест (андреевский) и окружённый золотыми лучами. Лента – зелёная. Девиз ордена *Nemo me impune lacessit* (латинское – Никто не тронет меня безнаказанно).

В 1725 г. король Георг I учредил Почетнейший орден Бани (англ. The Most Honourable Order of the Bath). Его название восходит к средневековой церемонии посвящения в рыцари, которая включала омовение как символ достижения духовной чистоты. Учреждение этой награды, как и в случае с орденом Чертополоха, было обставлено как возрождение якобы существовавшего в Средние века, но затем пришедшего в упадок рыцарского союза. Основанием для этого был титул «рыцаря бани» (англ. Knight of the Bath), который впервые встречается в источниках в связи с коронацией Генриха IV

Болингброка в 1399 г. Им награждали рыцарей, посвященных в это звание по полному обряду, который совершился лишь во время крупнейших государственных торжеств (коронации, королевские свадьбы, инвеститура сыновей монарха). Первоначально орден Бани включал британского монарха как суверена, а также великого магистра и 35 рыцарей. В 1815 г., в связи с необходимостью награждения военных, отличившихся в наполеоновских войнах, статут ордена был изменен. Теперь он включал 3 класса: рыцари Большого креста (не более 72 человек), рыцари-командоры (не более 180 человек) и кавалеры (англ. *Companions*, число не ограничено). В 1847 г. королева Виктория отменила чисто военный характер ордена, создав его гражданский вариант. С 1971 г. стало возможным награждение орденом Бани женщин.

Наконец, в 1783 г. король Георг III учредил орден Святого Патрика в ознаменование предоставления Ирландии ограниченной автономии. Он должен был стать аналогом английского ордена Подвязки и шотландского ордена Чертополоха и имел единственную степень. Награждение было, фактически, ограничено членами британской королевской семьи и пэрами Ирландии. После образования в 1922 г. Ирландского Свободного Государства награждение орденом почти прекратилось (последний случай – в 1936 г.). После смерти последнего кавалера в 1974 г. он считается «спящим», но официально не упразднен.

Обращает на себя внимание то, что даже в этих наградах никак не были представлены фигуры и события англосаксонской эпохи. Что касается орденов, появившихся в XIX и XX столетиях, то в них вовсе практически нет проявлений медиевализма.

Единственным частичным исключением можно считать Выдающийся орден святого Михаила и святого Георгия (англ. *The Most Distinguished Order of Saint Michael and Saint George*), учрежденный в 1818 г. принцем-регентом Георгом (в 1820–1830 гг. король Георг IV). Он назван в честь архангела Михаила и святого Георгия Победоносца – традиционных покровителей средневекового рыцарства. Имеет 3 класса: рыцарь Большого креста, рыцарь-командор и кавалер (англ. *Companion*). Первоначально предназначался для награждения жителей находившейся под британским протекторатом Республики Ионических островов и Мальты, а также служивших там британцев. С 1868 г. члены ордена назначались за службу в британских колониях и заслуги в международных отношениях Британской империи. С 1965 г. право быть членами ордена получили женщины (носят титулы дамы Большого креста и дамы-командора соответственно). Знак ордена – семиконечный мальтийский крест с белой эмалью, в центре – изображение архангела Михаила, побеждающего дьявола. Лента ордена имеет 2 синих полосы по краям и красную по

середине. Девиз ордена *Auspicium melioris aevi* (латинское – Знак лучших времён).

В дальнейшем мы не встретим и такого косвенного влияния средневековых образов. Орден «За выдающуюся службу» (англ. *The Distinguished Service Order*), который вручается военным служащим, отличившимся в ходе боевых действий (с 1993 г. также представителям командного состава), был учреждён указом королевы Виктории 6 сентября 1886 г. Он имеет 1 степень. При первом награждении вручается крест, при повторных награждениях – планки. На 2020 г. 16 человек получили по 3 планки к ордену. Всего на 2020 г. орден вручался около 19 тыс. раз, в т. ч. около 10 тыс. награждений в годы Первой мировой войны, около 5 тыс. награждений в годы Второй мировой войны. Знак ордена – серебряный (до 1889 г. золотой) четырёхконечный крест с расширяющимися концами, покрытый белой эмалью. В центре – корона в окружении лаврового венка. Лента – красная с синей каймой.

Королевский Викторианский орден (англ. *The Royal Victorian Order*) был учреждён королевой Викторией 21 апреля 1896 г. как личная награда британского монарха. Орден был создан в рамках подготовки к празднованию «бриллиантового юбилея» (60-летия вступления на престол) королевы Виктории. Женщины получили право быть членами ордена с 1936 г. Имеет 5 классов: рыцарь или дама Большого креста, рыцарь-командор (или дама-командор), командор, лейтенант, член. Также вручается медаль ордена. Число членов ордена не ограничено. Ими могут быть граждане всех стран Содружества, граждане других стран считаются почётными членами ордена. На 2020 г. в общей сложности орденом награждены 195 человек, в т. ч. 11 почётных членов (Ф. Фош, Ж. Жоффри, Д. Эйзенхауэр, А. Швейцер, Тереза Калькуттская, Н. Мандела и др.). Суверен ордена – британский монарх, назначающий великого магистра (в 1937–2002 гг. этот пост занимала королева Елизавета, жена короля Георга VI, с 2002 г. – принцесса Анна, дочь королевы Елизаветы II). Знак ордена – покрытый белой эмалью четырёхконечный мальтийский крест, в центре – вензель королевы Виктории. Лента – синяя, по краям узкие красная, белая и красная полосы. Девиз ордена – *Victoria*.

Орден «За заслуги» (англ. *The Order of Merit*) учреждён королём Эдуардом VII 26 июня 1902 г. Вручается за достижения в различных областях (военная и гражданская служба, наука, культура и искусство и др.). Имеет 1 степень. Вручается как личная награда британского монарха своим подданным из Великобритании и других стран Содружества. Общее число живущих кавалеров ограничено 24. В это число не входят почётные члены, которыми могут быть и иностранные граждане. Знак ордена – покрытый красной эмалью четырёхконечный крест с расширяющимися концами. В центре девиз *For Merit* (английское – За заслуги). Лента – красно-синяя.

Орден «За службу империи» (англ. *The Imperial Service Order*) учреждён королём

Эдуардом VII в 1902 г. Первоначально он вручался колониальным чиновникам и представителям духовенства за долгую и успешную службу в различных частях Британской империи (как правило, вручался после 25 лет службы, в исключительных случаях – после 16 лет службы) и имел 1 степень. Вручался как мужчинам, так и женщинам. Знак ордена – восьмиконечная лучистая серебряная звезда, в центре – вензель правящего монарха, окружённый надписью For Faithful Service (английское – За верную службу). Лента – красная с широкой синей полосой по середине. Одновременно с орденом учреждена медаль «За службу империи». В 1993 г. правительство Великобритании прекратило награждение орденом, при этом медаль сохранилась как действующая награда. При этом власти некоторых стран Содружества (на 2020 г. – только Папуа – Новой Гвинеи) сохранили право предлагать монарху кандидатов на получение ордена.

Превосходнейший орден Британской империи (англ. The Most Excellent Order of the British Empire) учреждён королём Георгом V 4 июня 1917 г. Первоначально предназначался главным образом для награждения лиц, отличившихся в годы Первой мировой войны, но не принимавших непосредственного участия в боевых действиях. В дальнейшем орденом стали награждать подданных Великобритании и других стран Содружества за заслуги в различных областях: военная и государственная служба, предпринимательство, общественная и благотворительная деятельность, образование, наука, культура, спорт и др. Граждане других государств могут быть почётными членами ордена. В 1918 г. орден был разделён на военную и гражданскую разновидности. Имеет 5 степеней: рыцарь (или дама) Большого креста, рыцарь-командор (дама-командор), командор, офицер, член. При награждении двумя высшими степенями одновременно присваивается рыцарское достоинство (кроме священнослужителей и почётных членов ордена). Знак ордена – четырёхконечный клеверолистный крест (у трёх высших степеней – украшенный голубой эмалью, у офицеров – золотой, у членов – серебряный). В центре – изображение Георга V и его жены королевы Марии (до 1937 г. – аллегория Британии в виде женской фигуры), окружённое девизом For God and the Empire (английское – За Бога и империю). Лента (с 1937 г.) – малиновая с серебряной каймой, в военной разновидности ордена добавляется тонкая серебряная полоса по середине. Одновременно с орденом была учреждена его медаль (в 1922 г. переименована в медаль Британской империи и разделена на военную и гражданскую разновидности).

Наконец, орден Кавалеров почёта (англ. The Order of the Companions of Honour) был учреждён королём Георгом V 4 июня 1917 г., одновременно с орденом Британской империи. Имеет 1 степень. Число живых членов первоначально было ограничено 50, в 1943 г. увеличено до 65. В этом число не входят граждане др. государств, которые могут стать

почётными членами ордена. На 2020 г. орденом награждено 710 человек, в т. ч. 340 как почётные члены. Знак ордена – овалный медальон, увенчанный короной. В центре – золотой прямоугольник с изображением дуба, на ветвях которого помещён британский королевский герб, и конного рыцаря. По краям медальона идёт надпись с девизом ордена – *In Action Faithful and in Honour Clear* (английское – Верный в действиях и ясный в чести), принадлежащая поэту А. Поупу характеристика государственного деятеля Дж. Крэга Младшего (1686–1721) из стихотворного «Послания мистеру Аддисону», входящему в цикл «Опыты о морали» (1731–1735). Лента красная с золотой вышивкой по краям.

Можно упомянуть также 2 награды, близкие по статусу к орденам. Крест Виктории (англ. *Victoria Cross*) учреждён указом королевы Виктории 29 января 1856 г. для лиц, отличившихся в ходе Крымской войны 1853–1865 гг. Он вручается военнослужащим, совершившим подвиг на поле боя, в непосредственном присутствии противника. Имеет 1 степень. На 2020 г. награждено более 1300 человек (все мужчины, хотя с 1920 г. возможно награждение женщин-военнослужащих). Медаль выполнен в форме бронзового четырёхконечного клинчатого креста (с расширяющимися концами), в центре – стоящий на короне лев и лента с девизом *For Valour* (английское – За доблесть). Крепится к колодке, обтянутой малиновой муаровой лентой (у военных моряков до 1918 г. лента была синей). Традиционно считается, что все знаки изготовлены из бронзы пушек, захваченных в Севастополе в ходе Крымской войны. Более вероятно, что начиная с Первой мировой войны знаки изготавливаются из металла, на который были перелиты другие трофейные орудия. В ряде стран Содружества были учреждены аналоги британского Креста Виктории: Крест Виктории для Австралии (1991), канадский Крест Виктории (1993), Крест Виктории для Новой Зеландии (1999).

Крест Георга, или Георгиевский крест (англ. *George Cross*) учреждён указом короля Георга VI в ходе Второй мировой войны 24 сентября 1940 г. для награждения военнослужащих и гражданских лиц за проявление героизма и мужества не на поле боя (не в прямом соприкосновении с врагом). Медаль выполнена в форме четырёхконечного серебряного равноконечного креста, в центральном медальоне – изображение Георгия Победоносца (святого покровителя Англии), поражающего мечом змея. По окружности медальон идёт девиз *For Gallantry* (английское – За отвагу). На 2020 г. Крест Георга вручался 408 раз, включая 2 коллективных награждения – жителям Мальты (в 1942 г., за героизм в ходе Второй мировой войны) и полицейской службе Северной Ирландии (*Royal Ulster Constabulary*, в 1999 г. за борьбу против Ирландской республиканской армии). Среди награждённых 394 мужчин и 12 женщин.

Итак, мы видим, что в достаточно многочисленных наградах, учрежденных в XIX–

XX столетиях, нашли отражение образ Британской империи, личности правящих монархов (прежде всего, королевы Виктории), общехристианских святых, а также абстрактные идеи (почет, доблесть, служение), но никак не фигуры или события прошлого. Такую ситуацию нельзя считать вполне типичной. Наградные системы европейских стран знают немало орденов, призванных увековечить личности или события истории Средних веков и Раннего Нового времени. Высшей наградой Венгрии служит Цепь Корвина (венг. Magyar Corvin-lánc), учрежденная в 1930 г. по указу «регента королевства» адмирала М. Хорти и названная в честь короля XV в. Матьяша Хуняди (Матвея Корвина), прославившегося победами над османами и австрийцами. Название высшей награды Дании – ордена Слона (датск. Elefantordenen) – отсылает к легенде о победе датских рыцарей во время крестового похода над сарацинами, сражавшимися на слонах. В Норвегии с 1847 г. существует орден Святого Олафа (в честь короля XI в., с которым связано распространение христианства в стране). В Речи Посполитой в 1765 г. был учрежден орден Святого Станислава, названный в честь краковского епископа XI в., почитавшегося как мученик за веру и покровитель Польши (впоследствии орден вошел в наградную систему Российской империи). В Испании существует целый ряд наград, посвященных средневековым деятелям. Это Королевский военный орден Сан-Фернандо (учрежден в 1811 г. назван в честь Фернандо III, кастильского монарха XIII столетия), орден Изабеллы Католички (учрежден в 1815 г., назван в честь кастильской королевы XV столетия), орден Альфонсо X Мудрого (учрежден в 1939 г. Ф. Франко как награда за заслуги в области науки, культуры и искусства; назван в честь кастильского монарха XIII столетия), орден Креста святого Раймунда Пеньяфортского (учрежден в 1944 г. Ф. Франко как награда за заслуги в сфере права и юриспруденции; назван в честь жившего в XIII в. монаха-доминиканца, одного из кодификаторов католического церковного права). В соседней Португалии в 1960 г. был учрежден орден Инфанта дона Энрики – в честь принца Энрики Мореплавателя (XV в.), одного из отцов-основателей Португальской колониальной империи. Даже власти карликовой Андорры в 2007 г. учредили орден Карла Великого.

Средневековым правителям посвящен целый ряд стран Восточной Европы. В королевстве Сербия в 1889 г. высшей наградой стал орден Святого князя Лазаря – сербского деспота, павшего в битве с османами на Косовом поле в 1389 г. и объявленного святым (орден упразднен в социалистической Югославии). Высшей наградой Румынии в 1916 г. (одновременно со вступлением страны в Первую мировую войну) был объявлен орден Михая Храброго – господаря Валахии, пытавшегося объединить румынские земли на рубеже XVI–XVII вв. (после свержения монархии орден был упразднен, но восстановлен в 2000 г.). В Литве после получения независимости были учреждены орден Креста Витиса

(1919 г., в честь герба средневекового Великого княжества Литовского) и орден Великого князя Литовского Гедимина (1928 г.). Обе награды были восстановлены в 1991 г.

Не была исключением из этого тренда и Российская империя, где существовала орден в честь святого Александра Невского (1725 г.) и святого равноапостольного князя Владимира (1782 г.) – символических предков династии Романовых. В Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны в орденах были увековечены образы того же князя Александра Невского (1942 г.) и Богдана Хмельницкого (1943 г.). Наконец, третья «инкарнация» ордена в честь князя Александра Невского появилась уже в Российской Федерации (в 2010 г.).

Целый ряд подобных коммеморативных наград появился в восточноевропейских государствах, образовавшихся в 1990-е гг. Так, в Хорватии существуют ордена, названные в честь средневековых правителей короля Томислава, короля Дмитра Звонимира и его жены королевы Елены, короля Петара Крешимира IV, князей Трпимира, Бранимира, Домагоя, а также воеводы Николы (Миклоша) Шубича Зрински (XVI в.), участников антигабсбургского заговора XVII в. Петара Зрински и Франа Крсто Франкопана. Среди наград Украины – ордена Князя Ярослава Мудрого (1995 г.), Богдана Хмельницкого (1995 г.), Княгини Ольги (1997 г.), Даниила Галицкого (2003 г.). В Молдавии существуют награды, названные в честь правителей Молдавского княжества, орден Стефана Великого (1992 г.) и орден Богдана Основателя (2008 г.).

На основании этого беглого обзора можно сделать вывод, что обращение к фигурам и образом средневекового прошлого было характерно для стран либо в стадии формирования государственной системы и идентичности, либо переживающих политический кризис (как Испания в периоды после наполеоновских войн и Гражданской войны 1936–1939 гг.). Великобританию XIX–XX вв. к таковым отнести никак нельзя, поэтому отсутствие в ней «медиевалистских» орденов выглядит закономерным.

Одним из наиболее интересных и эффективных инструментов публичной истории в современном мире остаются масштабные и престижные выставки. Выделим два подобных мероприятия, прошедших в Великобритании за последние 30 лет. С ноября 1991 г. по май 1992 г. в Британском музее проходила выставка «Создание Англии: англосаксонское искусство и культура, 600–900 гг.» (The Making of England: Anglo-Saxon Art and Culture AD 600–900), удостоившаяся положительных и даже восторженных отзывов от посетителей. Помимо ценнейших артефактов из различных британских собраний, организаторы смогли представить и ряд шедевров, привезенных из-за рубежа, включая Codex Aureus из Стокгольма (богато иллюминированное Евангелие середины VIII в., возможно из Кентерберии) и складень из резной слоновой кости из Королевского музея искусства и

истории в Брюсселе (т. н. Genoels-Elderen ivory). Примечательно, что во время проведения выставки никто из современников, как будто, не высказывал критики относительно ее концепции и названия, фактически ставивших знак равенства между англосаксонской культурой и возникновением английской государственности. Эта идея была прямо высказана в предисловии к каталогу выставки: «Англо-саксы, чьи художественные, технологические и культурные достижения в седьмом, восьмом и девятом веках представлены на этой выставке, были подлинными предками сегодняшних англичан» [42]. Хотя выставка открылась уже после ухода Маргарет Тэтчер с поста премьер-министра (28 ноября 1990 г.) основная подготовка и разработка концепции проходили еще при правительстве «железной леди». Неудивительно, поэтому, что мероприятие отразило дух эпохи, для которого были характерны акцент на возрождение величия Британии благодаря экономическому подъему и успеху в военном конфликте с Аргентиной (Фолклендская война 1982 г.).

Еще более масштабной с точки зрения хронологического охвата – весь англосаксонский период, а не только его ранний этап – стала выставка «Англосаксонские королевства: искусство, слово, война» (Anglo-Saxon Kingdoms: Art, Word, War), которая проходила на протяжении 4 месяцев (с 19 октября 2018 г. по 19 февраля 2019 г.) в Британской библиотеке в Лондоне. Местная пресса окрестила ее «эпохальным» (once-in-a-generation) событием и едва главной лондонской выставкой сезона. За счет чего экспозиция, посвященная далеким векам Раннего Средневековья, смогла стать знаковым явлением культурной жизни британской столицы? Едва ли не главным козырем оказался без преувеличения уникальный подбор экспонатов. В число примерно 180 представленных объектов попали практически все знаковые артефакты, связанные с историей и культурой англосаксонской Англии. Как и следовало ожидать от выставки, организованной библиотекой, основу экспозиции составили рукописи, значительная часть которых происходит из фондов самой Британской библиотеки. Благодаря коллекциям, собранным антикварами XVI–XVII вв. (Джоном Леландом, Робертом Коттоном, Робертом Харли и др.) библиотека Британского музея, в 1973 г. выделенная в самостоятельное учреждение – Британскую библиотеку, стала крупнейшим в мире собранием англосаксонских манускриптов. Этот богатейший материал дополнили рукописи, прибывшие из целого ряда британских и иностранных собраний: библиотек Оксфордского и Кембриджского университетов, Эксетерского, Даремского, Личфилдского, Рочестерского и Кентерберийского соборов, Тринити-колледжа (Дублин), библиотечных собраний Италии, Франции, Нидерландов, Швеции, Германии, США. Дополнениям к рукописям стал археологический материал: погребальные урны, ювелирные изделия (например, загадочная

«Драгоценность Альфреда», назначение которой точно не установлено, и брошь Фуллера со сложной аллегорической иконографией), монеты, оружие, формы для печатей и даже единственная известная англосаксонская воощенная табличка для записей (VIII в., была найдена в Блитборо, графство Суффолк). При этом оба вида экспонатов очень удачно дополняли друг друга. Скажем, в одной из витрин посетители могли полюбоваться иллюстрацией с царем Давидом в окружении трубящих в рога музыкантов из «Веспасиановой Псалтыри» (создана в Кенте в середине VIII в., ныне рукопись Cotton Vespasian A. I из Британской библиотеки), а рядом – действительно, очень похожим на нарисованные деревянным рогом VIII в. (найден в 1950-е гг. в реке Эрн в Северной Ирландии).

Нарратив выставки был выстроен по достаточно традиционному хронологическому принципу. Опорными точками служили знаковые моменты и фигуры англосаксонской эпохи: период миграции и заселения англосаксонскими племенами Британии, христианизация, расцвет образования и искусства в «эпоху Беды», «мерсийская гегемония» при короле Оффе, возвышение королевства Уэссекс, административные реформы и культурная политика короля Альфреда Великого, объединение большей части Британии королем Этельстаном, церковные реформы и новый культурный подъем 2-й половины X в., включение Англии в державу короля Кнуда Великого, наконец, Нормандское завоевание 1066 г. и конец англосаксонской династии. Такое решение вполне понятно, учитывая ориентацию организаторов на самую широкую аудиторию. Подобный подход может показаться консервативным, для кого-то даже ретроградным продолжением пресловутой «вигской» модели конституционной истории Британии, сформулированной еще в позапрошлом веке, в трудах Томаса Бабингтона Маколея или Уильяма Стебса. Думается, однако, что подобные упреки были бы несправедливы. Кураторы смогли сформулировать свой, вполне академически-корректный, но при этом доступный и для неспециалистов, взгляд на англосаксонскую историю. В названии выставки слово «война» не случайно стоит на последнем месте, после «искусства» и «слова». Кураторы, и в этом их трудно осуждать, предпочли сделать акцент не на «темном», полном войн и насилия Средневековье, а на более позитивной стороне англосаксонского мира. Так, в разделах, посвященных расселению англосаксов в Британии в V–VI вв. и вторжениям скандинавов в VIII–X вв., больше внимания уделено не военным столкновениям, а культурному обмену между разными этническими группами, в конечном счете ставшими частью британской нации. Даже представленные на выставке образцы мечей в таком контексте становятся не столько орудиями убийства, сколько интереснейшими культурными артефактами, например, благодаря выгравированным на лезвиях руническим надписям.

Еще одна из очевидных сквозных тем нарратива выставки – роль религии, прежде всего, разумеется, христианства в развитии англосаксонской культуры. В первом зале, посвященном эпохе расселения, внимание зрителя привлекают к традиционным языческим верованиям англосаксов, о которых, к сожалению, сохранились довольно скудные сведения. Ну а начиная со второго зала и почти до конца экспозиции неподготовленный посетитель рискует буквально утонуть в целом водовороте всевозможных Евангелиариев, Псалтырей и разного рода богослужебных кодексов. Среди главных «гвоздей» программы – знаменитые парадные кодексы, выполненные в уникальной «островной» (гиберносаксонской) традиции книжного оформления: «Линдисфарнское Евангелие» (рукопись Cotton MS Nero D. IV из Британской библиотеки), «Книга из Дарроу» (из дублинского Тринити-колледжа), «Эхтернахское Евангелие» (из Национальной библиотеки Франции) и др. Самый выдающийся во всех смыслах представитель этой плеяды – монументальный «Codex Amiatinus», самый ранний сохранившийся пандект (полная рукопись латинской Библии – Вульгаты). Манускрипт впечатляет и размерами (более 1030 листов формата 49х34 см, вес более 34 кг), и филигранным исполнением текста и иллюстраций, и необычной историей. В конце VII в. аббат монастыря Вермут – Ярроу в Нортумбрии Кеолфрид решил сделать 3 кодекса-пандекта, для чего потребовалось ок. 2000 голов скота. Один из манускриптов оказался безвозвратно утрачен, от второго остался лишь небольшой фрагмент (11 листов, ныне рукопись Add. 45025 в Британской библиотеке, тоже была представлена на выставке), третий Кеолфрид повез собой в 716 г. в подарок папе Римскому. Аббат скончался, не доехав до Италии, рукопись осталась на континенте, к IX в. находилась в монастыре Монте-Амиата в Тоскане (отсюда – современное название), а с конца XVIII в. – в Библиотеке Лауренциана во Флоренции. И вот спустя 1302 года «Codex Amiatinus» вновь посетил остров, на котором был создан (на упоминавшейся выше выставке 1991–1992 гг. «Codex Amiatinus» был представлен лишь несколькими фотографиями, по которым едва ли можно было составить адекватное впечатление об этом артефакте). По удачно продуманному контрасту в соседней витрине с огромным «Codex Amiatinus» представлен его крохотный ровесник – карманного формата (94 листа формата 138х92 мм) рукопись Евангелия от Иоанна, найденная в 1104 г. при вскрытии даремскими монахами раки с мощами святого Кутберта. Ранее считалось, что это была личная книга святого (умершего в 687 г.), однако последние палеографические исследования датируют ее чуть более поздним временем – началом VIII в. Уникальность «Евангелия святого Кутберта» состоит еще и в том, что это древнейшая европейская книга, сохранившая первоначальный переплет – из деревянных досок, обтянутых красной козлиной кожей, с рельефным растительным орнаментом.

Своего рода противовесом многочисленным латинским церковным рукописям на выставке служат тексты на древнеанглийском языке. Это и законы (например, древнейший судебник короля Этельберта, сохранившийся, впрочем, лишь в копии XII в., известном *Textus Roffensis*), и сборник календарно-астрономических расчетов монаха Бюрхтферта из Рамси, и сборник медицинских рецептов авторства некоего Бальда (кураторы отмечают, что один из них, содержащий чеснок и коровью желчь, в 2015 г. показал неплохие клинические результаты как средство против разновидности кожных инфекций), и, конечно, поэзия. На выставке впервые в истории в одной витрине оказались собраны все 4 рукописи, содержащие практически весь корпус древнеанглийской поэзии: «Кодекс Юния» (из Бодлианской библиотеки в Оксфорде), «Эксетерская книга» (из Эксетерского собора), «Верчелльская книга» (была оставлена неизвестным английским паломником в итальянском городе Верчелли, вероятно, в XIII в., впервые с того времени вернулась в Англию) и, конечно, «Кодекс Новелла», единственный список самого знаменитого произведения англосаксонской литературы – поэмы «Беовульф». Посетители могли слушать в наушниках отрывок из «Беовульфа» на древнеанглийском, одновременно рассматривая соответствующую страницу рукописи.

Меньше внимания в экспозиции уделено социально-экономической и правовой истории англосаксов, бесспорно, не столь эффектной и узнаваемой для неспециалистов. Но все же посетители могли ознакомиться с древнейшими английскими образцами подлинных грамот (самая ранняя – 679 г.), оригиналами писем на латыни (послание епископа Лондонского архиепископу Кентерберийскому, начала VIII в.) и древнеанглийском языке (знаменитое Фонтхиллское письмо с подробностями земельной тяжбы рубежа IX-X вв.), манумиссиями, записанными на пустых страницах Бодминского Евангелия (X-XI вв., часть стертого текста удалось совсем недавно прочитать благодаря применению новых технологий). Ну а заключительный зал полностью посвящен «Книге Страшного суда», выступающей символом подчинения Англии новым господам – нормандцам. Впрочем, в этих сюжетах акцент скорее был сделан на красочных деталях, вроде договора (начала XI в.) об аренде участка болот у монастыря Или за плату натурой в виде 26275 угрей.

Резонный вопрос: как проведение этой выставки и вызванный ей общественный резонанс соотносились с современной политической конъюнктурой, прежде всего – выходом Соединенного Королевства из Европейского Союза. Казалось бы, акцент на англосаксонских корнях британской нации, политических и культурных успехах англосаксов, не могли не льстить сторонникам «особого пути» Великобритании, ее самостоятельности по отношению к континентальной Европе. Разумеется, прямых отсылок к политической злобе дня на выставке не было, но все же, представляется, что кураторы

руководствовались скорее противоположными идеями: подчеркнуть изначально полиэтнический и мультикультурный характер англосаксонского мира, многочисленные и устойчивые связи раннесредневековой Англии со многими другими частями мира, близкими (как например Каролингская держава или Скандинавия) и далекими. Так, на почетном месте представлен фрагмент (5 листов) из рукописи с письмами епископа Киприана Карфагенского, созданной в IV в. в Северной Африке и, возможно, привезенной в VII в. на остров аббатом Адрианом, уроженцем Африки, который стал настоятелем монастыря в Кентерберии и главой местной школы. Привлекает внимание и золотая монета мерсийского короля Оффы, на которой из-за механического копирования аббасидского динара оказалась искаженная арабская надпись «Нет Бога, кроме Аллаха». Как иллюстрация широты торговых контактов англосаксов указывается на использование в украшении рукописей происходящего из Афганистана лазурита. Один из самых космополитичных экспонатов выставки – знаменитая иллюстрированная Утрехтская Псалтырь. Она была создана в IX в. в районе Реймса, вероятно, по византийскому образцу, но около 1000 г. оказалась в Англии, в Кентерберии. Во время революции XVII в. роялист граф Эрндел увез рукопись с собой в Нидерланды, где она в конце концов попала в библиотеку Утрехтского университета. При этом, в той же витрине представлены и ее английские «потомки» – «Псалтырь Харли» (1-й пол. XI в.) и «Псалтырь Эадвине» (2-й пол. XII в., в ней заметно уже влияние и англо-нормандской аристократической культуры).

Выставка стала не только ярким культурным событием, но и была призвана послужить новым импульсом развития англосаксонистики во всем мире. В рамках выставки прошла (13–14 декабря 2018 г.) научная конференция с участием ведущих специалистов по англосаксонской палеографии и кодикологии. Новые возможности для исследователей открывает постоянно ведущаяся оцифровка рукописей. Значительное число экспонатов выставки уже сейчас доступно на сайтах Британской библиотеки (<http://www.bl.uk/manuscripts/>), Бодлианской библиотеки (<https://digital.bodleian.ox.ac.uk>), кембриджских Корпус-Кристи-колледжа (<https://parker.stanford.edu>) и Тринити-колледжа (<http://sites.trin.cam.ac.uk/james/>), Национальной библиотеки Франции (<https://gallica.bnf.fr>) и других учреждений.

Выставка «Англосаксонские королевства: искусство, слово, война» стала самым ярким проявлением англосаксонизма в поле публичной истории Великобритании 2010-х гг. и заслужила почти исключительно хвалебные отзывы. Однако примечательно, что почти одновременно с ее проведением в среде американских и британских медиевистов разгорелась ожесточенная дискуссия о допустимости использования самого понятия Anglo-Saxon, а также о морально-этическом состоянии этой области науки. Уже в 2017–2018 гг.

американские медиевисты Адам Миясиро и Мэри Рамбаран-Ольн высказывали в социальных сетях критику научного сообщества, в частности Международного общества англосаксонистов (International Society of Anglo-Saxonists, ISAS), за консервативную повестку, дискриминацию и вытеснение из профессии исследователей неевропейского происхождения или с не-белым цветом кожи. Некоторое время полемика велась в основном за закрытыми дверями, а в сентябре 2019 г. выплеснулась в публичную сферу. Катализатором конфликта стало объявленное Рамбаран-Ольн 7 сентября 2019 г. решение уйти с поста вице-президента ISAS, обвинив своих коллег в потворстве расизму и нежеланию меняться в духе времени. Вскоре, 19 сентября, ISAS объявило о смене названия на Международное общество изучения раннесредневековой Англии (International Society for the Study of Early Medieval England, ISSEME). Но это, по крайней мере поначалу, лишь усугубило раскол. Кроме Рамбаран-Ольм из экспертного совета общества вышли еще 4 члена (из 9). Жаркие, с переходом на личности, дискуссии быстро перекинулись с проблем научного сообщества на сами основы англосаксонских исследователей. Рамбаран-Ольн и ее единомышленники заявляли, что проблема заключается не только в использовании понятия Anglo-Saxon представителями современных крайне правых и порой откровенно националистических движений, но и в его исконно «расистских» и ненаучных корнях. Д. Уилтон в обстоятельной статье [1] еще раз проанализировал историю возникновения и развития понятия Anglo-Saxon, а также проблематичность его использования современными учеными, не желающими солидаризироваться с определенной идеологией. Вместе с тем, он указал и на трудности, особенно в британской традиции, возникающие при немедленном отказе от него.

Одновременно с этим появились две новые монографии, анализирующие истоки академической англосаксонистики. Книга американского филолога-медиевиста Донны Бет Эллард [38] представляет собой интересную, хотя и неоднозначную, попытку проанализировать труды ряда медиевистов (Ш. Тернера, Б. Торпа и др.) методами психоанализа. В результате, исследовательница заявляет, что расизм и колониализм лежат в самом основании дисциплины, а ее развитие вплоть до настоящего времени можно рассматривать как стремление преодолеть эти родовые травмы. В книге строгие историографические пассажи переплетаются с глубоко личными переживаниями и самоанализом. Столь же персонализированный и остро-полемический характер имеет и работа британского историка раннесредневекового искусства Кэтрин Карков [42]. От книги Эллард и ряда других более ранних исследований книгу отличает более широкий хронологический охват. Карков ищет истоки «насилия, национализма и расизма», характерных для собственной дисциплины, не в работах историков XIX столетия или

антиквариатах тюдоровской эпохи, а в мифах, сформулированных еще в период покорения острова германоязычными мигрантами с континента, в текстах (трудах Беда Достопочтенного и анонимного автора «Жития папы Григория Великого» из монастыря Уитби, поэме «Беовульф») и артефактах (например, знаменитом Ларце Фрэнкса). Как и Эллис, Карков в своем анализе обращается к методам психоанализа, но анализирует уже не сколько индивидов, сколько народы и другие сообщества.

Работы Эллис и Карков содержат много точных и глубоких наблюдений, которые сложно оспорить. Однако нельзя не отметить и отдельные слабые места в аргументации. Так, Карков обоснованно критикует как искусственный и проблематичный этноним *Anglo-Saxon*, но свободно оперирует столь же искусственным и проблематичным *Native Americans*. Достаточно странно выглядит и это противопоставление «англосаксонского завоевания» и британской колонизации Северной Америки: «Мы... должны помнить, что существуют важные различия между двумя странами и двумя актами переселенческой колонизации. В Британии не было коренного (*indigenous*) населения, она были лишь объектом последовательных миграционных волн, когда каждая группа последовательно начинала доминировать над более ранними поселенцами на протяжении определенного времени. В Северной Америке, с другой стороны, были коренные народы, и ее колонизация англичанами и другими европейцами была бесспорным актом оккупации украденной земли» [42]. К сожалению, исследовательница никак не поясняет свое понимание термина «коренной», а также не ссылается на какие-либо работы по исторической антропологии Северной Америки. Подобный избирательно критический подход к используемой терминологии едва ли можно одобрить.

Со времен скандала в ISAS прошло уже более 2 лет, но, по большому счету, он не получил значительного резонанса вне относительно небольшого круга исследователей раннесредневековой Британии. Однако нельзя исключать, что перемены в образовательных программах, номенклатуре научных обществ и журналов, публикация все новых книг и статей сыграет свою роль, и дискуссия о самом понятии «англосаксонский» выйдет в пространство «большой» публичной истории. Каков будет исход этой пока гипотетической дискуссии, сегодня трудно даже гадать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Wilton D. What Do We Mean by Anglo-Saxon? Pre-Conquest to the Present//The Journal of English and Germanic Philology. 2020. Vol. 119. P. 425-454.
2. Jones M.E., Casey J. The Gallic Chronicle Restored: A Chronology for the Anglo-Saxon Invasions and the End of Roman Britain//Britannia. 1988. Vol. 19. P. 367-398.
3. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках/Пер. С. П. Кондратьева. – М., 1996.
4. Richter M. Bede's Angli: Angles or English//Peritia. 1984. Vol. 3. P. 99-114.
5. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов/Пер. В.В. Эрлихмана. - СПб., 2001.
6. Reynolds S. What Do We Mean by "Anglo-Saxon" and "Anglo-Saxons"?//The Journal of British Studies. 1985. Vol. 24. P. 395-414.
7. Шпирт А.М. Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху Раннего Средневековья//Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени. 2013. №3-4. С. 45-52.
8. Pohl W. Ethnic Names and Identities in the British Isles: A Comparative Perspective//The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective/Ed. J. Hines. – Woodbridge, 1997. P. 7–32.
9. Levison W. England and the Continent in the Eighth Century. – Oxford, 1946.
10. Gerrald J. The Defence of J. G. on a charge of sedition, before the High Court of Justiciary at Edinburgh Corrected by Himself. – London, 1794.
11. MacDougall H. A. Racial Myth in English History: Trojans, Teutons, and Anglo-Saxons. – Montreal, 1982.
12. Генрих Хантингдонский. История англов / пер. с лат. С. Г. Мереминского. – М., 2015.
13. Сухино-Хоменко Д. В. «Англо-саксонская схизма»: терминологическая дискуссия в англоязычном медиа-пространстве и вызовы сообщества медиевистов//Диалог со временем. 2021. №76. С. 145-159.
14. Frazier Wood D. M. Anglo-Saxonism and the Idea of Englishness in Eighteenth-Century Britain. Woodbridge, 2020.
15. Мереминский С. Г. Формирование традиции. Английское историописание второй половины XI – первой половины XII веков. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
16. Высокова В. В. Конфликтующие концепции прошлого в британской исторической культуре второй половины XVII – середины XVIII века//Прошлое для

настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности/Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М., 2020. С. 240-266.

17. Высокова В. В. Britishness, Englishness и «вигская интерпретации истории»//Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности/Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М., 2020. С. 267-290.

18. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.

19. Скотт В. Айвенго / пер. с англ. Е. В. Бекетовой. М., 1985.

20. Gardner A. Brexit, boundaries and imperial identities: A comparative view// Journal of Social Archaeology. 2017. Vol. 17(1). P. 3–26.

21. Аносова О. Г. Восприятие творчества В. Скотта современниками в России // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: Языки и специальность. 2012. №3. С. 79-85.

22. Brownlie S. Memory and Myths of the Norman Conquest. Woodbridge: Boydell, 2013.

23. Chepmell H. Le M. A Short Course of History. London, 1848.

24. Chronica magistri Rogeri de Houedene / ed. by W. Stubbs. 4 vols. London: Longman, 1868-1871 (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, 51).

25. Marshall H.E. Our island story, a history of England for boys and girls. – London, 1905.

26. Ferris I. The Achievement of Literary Authority: Gender, History, and the Waverly Novels. Ithaca; London: Cornell University Press, 1991.

27. Hill D. The Bayeux Tapestry: the Case of the Phantom Fleet // Bulletin of the John Rylands Library. 1998. Vol. 80. P. 23-31.

28. Leslie S. Lewis Carroll and the Oxford Movement // Aspects of Alice: Lewis Carroll's Dreamchild As Seen Through the Critics' Looking-Glasses, 1865-1971 / ed. by R. Phillips. New York, 1971. P. 211-219.

29. Milne L. Universal history as reworked by 'Satirikon' and 1066 and all that as parody history textbooks: A suggestion of a literary genre // The Modern Language Review. 2005. Vol. 100. N. 3. P. 723-739.

30. Scott W. Ivanhoe: A Romance. 3 vols. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1820.

31. Sellar W. C., Yeatman R. J. 1066 and All That. A Memorable History of England, comprising all the parts you can remember, including 103 Good Things, 5 Bad Kings and 2 Genuine Dates. 8th ed. London: Methuen Publishing, 1930.

32. The Warene (Hyde) Chronicle / ed. by E. van Houts, R. Love. Oxford: Oxford University Press, 2013 (Oxford Medieval Texts).
33. Worth C. Ivanhoe and the Making of Britain // Links & Letters. 1995. Vol. 2. P. 63-76.
34. Niles J. D. The Idea of Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Chichester, 2015.
35. Keynes S. The Cult of King Alfred//Anglo-Saxon England. 1999. Vol. 28. P. 225-356.
36. Loyn H. R. Turner, Sharon (1768–1847)//Oxford Dictionary of National Biography. Vol. 55. Oxford, 2004. P. 661-663.
37. Turner S. The History of the Anglo-Saxons, from Their Earliest Appearance above the Elbe, to the Norman Conquest. London, 1802–1805. Vol. 1-3.
38. Annales Monastici / ed. by H. Luard. 5 vols. London: Longman, 1864-1869 (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, 36).
39. Turner S. History of England, from the Norman Conquest, to the Accession of Edward the First. London, 1814.
40. Bulwer Litton E. The Last of the Barons. 2nd ed. London, 1850.
41. Literary Appropriations of the Anglo-Saxons from the Thirteenth to the Twentieth Century/Ed. D. Scragg, C. Weinberg. Cambridge, 2000.
42. Karkov C. E. Imagining Anglo-Saxon England: Utopia, Heterotopia, Dystopia. Woodbridge, 2020 (Boydell Studies in Medieval Art and Architecture).
43. Hough A. Revealed: David Cameron's favourite childhood book is Our Island Story//Daily Telegraph, 29 October 2010. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/booknews/8094333/Revealed-David-Camerons-favourite-childhood-book-is-Our-Island-Story.html> (дата обращения 27.12.2019).
44. Kingsley C. Hereward the Wake: Last of the English. London; Cambridge, 1866.
45. Parker J. 'England's Darling': The Victorian Cult of Alfred the Great. Manchester, 2007.

В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ